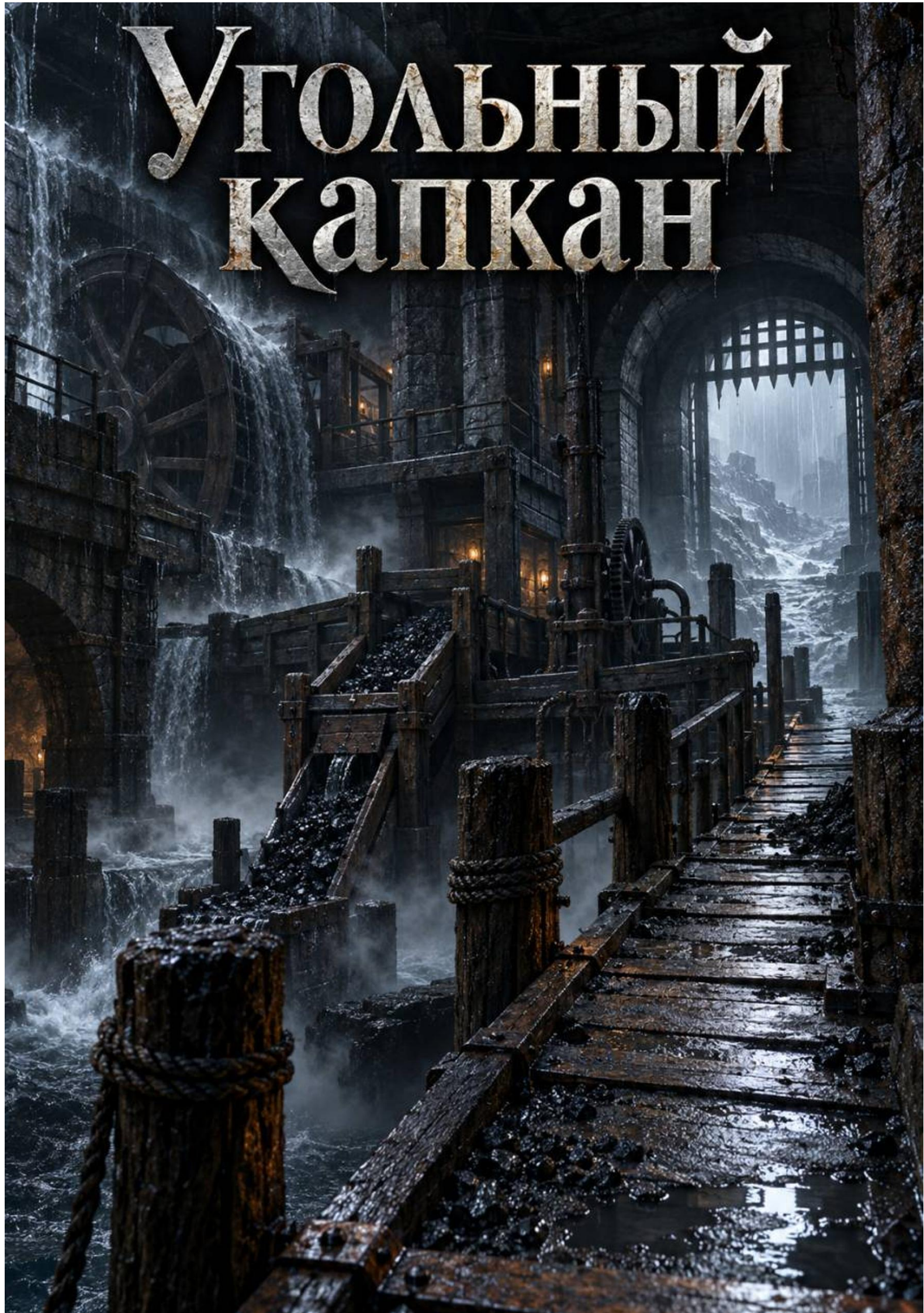

Угольный капкан

Рен Вольский

Угольный капкан

«Автор»

2026

Вольский Р.

Угольный капкан / Р. Вольский — «Автор», 2026

Семилетний Рен — сирота на Угольном дворе Карсана, но в его памяти живёт опыт торговца Георгия Соколова. Точный расчёт помогает заметить недвес и долговую ловушку, а попытка защитить приютских детей превращает борьбу за первую монету в столкновение с хозяевами двора.

© Вольский Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Грязь на сваях	13
Механика клейма	19
Живой щит	25
Первая дельта	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рен Вольский

Угольный капкан

Предисловие

Насос щёлкал с ошибкой.

Георгий Соколов вывел её в отдельный столбец мысленно: восемь ровных щелчков, пауза, девятый с лишним ударом внутри, потом снова восемь. Аппарат стоял на металлической стойке, закреплённый серым зажимом; прозрачная трубка уходила под пластырь на тыльной стороне кисти. В месте прокола кожа натянулась и побелела. При каждом лишнем щелчке игла отзывалась тупым толчком, отдававшим в локоть.

Палата была одноместной. За дверь не тянуло чужой мочой, хрипом и дешёвым одеколоном, зато белёный потолок лежал над кроватью слишком близко, давил ровной пустотой. От батареи шёл сухой металлический жар, из коридора просачивался запах хлорки, мокрых подошв и кипячёного белья. Окно закрывали два слоя стекла. Между ними застрял мёртвый мотылёк; тонкие крылья прилипли к серой пыли.

До окна Георгий добирался ещё месяц назад. Теперь расстояние измерял не шагами, а количеством движений: повернуть таз, подтянуть пятку, перенести вес на локоть, не дать трубке натянуться. Тело стало складом с плохо составленной ведомостью. Одни отделы ещё выдавали товар, другие числились в наличии только на бумаге.

В поле зрения оставались три вещи. Фотография лежала у стены, лист — по центру тумбочки, насос стоял справа на металлической стойке. Лишнего не было.

Дверь приоткрылась. Медсестра вошла боком, придерживая её плечом, чтобы не задеть стойку.

— Не спится, Георгий Николаевич?

В голосе не было ни жалости, ни раздражения. Полезное качество для ночной смены.

— Работаю.

— Вам бы поспать.

— Тендер сам себя не пересчитает.

Уголок её рта дрогнул, но улыбка не дошла до лица. Пальцы поправили край простыни, проверили пластырь, провели по трубке от иглы к насосу. Движения короткие, экономные. Сестра смотрела на него на полшага дольше, чем требовала процедура.

— Кнопка здесь.

Красный круг под ладонью был крупнее копейки. Георгий поместил взгляд на него, проверяя расстояние.

— Вижу.

— Если станет хуже...

— Уже стало.

Она убрала стакан с водой, стоявший у изголовья, и переставила его ближе. Вода дрогнула, на стекле выступила мутная полоса от губ. Георгий не стал напоминать, что стакан нужно поставить слева: правая рука всё хуже слушалась, а левая ещё держала. Сестра вышла, оставив дверь щелью. Полоса света легла на линолеум и упёрлась в ножку кровати.

Закрывать дверь не требовалось. Свет мешал меньше, чем цена чужого недосыпа.

Сухость во рту стянула язык к нёбу. Сглатывание потребовало трёх попыток: сначала поднялась только гортань, затем прошёл болезненный толчок, на третьем движении слюна ушла вниз. До стакана оставалось двадцать сантиметров. Слишком много для одного действия, достаточно для четырёх. Георгий оставил воду стоять.

На фотографии ему было двадцать с небольшим. Снимок девять на двенадцать, выцветший по краям, с серой полосой от химиката на правом углу. Худой парень в рубашке с закатанными рукавами щурился на солнце. Бровь пересекала тёмная корка, воротник был расстёгнут, волосы торчали над ухом. Рукава закатаны не для вида: в них не должно было попасть ни крови, ни масла, ни ржавой воды.

Андрей привёз снимок вечером, вместе с коробкой из дальней кладовой на базе.

— В тендере опять перенос, — сказал он, снимая кепку. — До осени могут отложить.

— До июля.

— Сычёв просит отсрочку.

— До июня.

Сын положил на край стола папку, потом долго разглаживал ладонью её обложку. Внутри лежали документы по старым объектам, справка о зарплате на сто двадцать рублей, две доверенности, пропуск на комбинат и этот снимок. Андрей не задавал вопросов, но взгляд всё время возвращался к фотографии.

— Ты его помнишь?

Вопрос вышел неточным. Георгий поднял глаза.

— Кого?

— Себя.

Кепка в руках сына сжалась по шву. Шов выдержал.

— Отчего же. Лицо своё не каждый день видишь.

— Я не об этом.

— Тогда говори точнее.

Андрей перевёл разговор на Сычёва. Не из осторожности — из семейной привычки. Когда требовалось сказать о старом отце, он начинал говорить о поставках, когда требовалось сказать о матери, перечислял коммунальные счета. Георгий отправил его домой в девять. Сын задержался у двери, оглянулся на насос и не спросил, надолго ли хватит лекарства.

На листе лежала схема речного затона. Георгий вычертил её четыре дня назад, пока буквы ещё не расплывались окончательно. Цифры держались дольше: чёрные, узкие, с одинаковым нажимом. Прямоугольник воды. Три причальные линии. Ветка железной дороги. Девятьсот сорок — длина насыпи от стрелки до старого крана. Ниже столбцы: вагонная перевалка, баржевая, разница на тонну, объём по трём видам груза, срок окупаемости. Четвёртый столбец обрывался после трёх знаков.

Рука отказалась продолжать, но расчёт не рассыпался.

Насос щёлкнул. Георгий провёл указательным пальцем по простыне, отмечая десяток. Пальцу не хватало прежней точности: ноготь цеплял ткань, подушечка скользила по крахмальному рубцу. Отметки невидимы, но движение оставалось.

Всю жизнь баланс сходил в три графы: взял, заплатил, убыток.

Взял — четыре розничные точки, открытые после девяносто третьего года; продажу последней за месяц до прихода сетей; два угольных разреза, собственные весы и тупик; договор с областью в ту зиму, когда котельные держались на обещаниях. Шесть составов стояли тогда на путях, и цена отпускалась пятого дня — не из доброты, а до прихода людей, с которыми не следовало делить стол.

Потом пришли нефтепродукты, лом, сельхозпредприятие с убыточным отчётом и дорожавшей землёй. База на озере попала в список последней. Её брали как балласт, чтобы вытеснить соседний участок. В итоге именно там Георгий оставлял пальто на веранде и пил чай у окна, где по вечерам мошара билась о жёлтый свет.

Последние двенадцать лет новых дел не появлялось. Пустота тоже имела стоимость. В бухгалтерии её можно было провести под словом «сохранение», но цифра от этого не становилась меньше.

В графе «заплатил» стояли суммы без лиц.

Рылов держал вторую половину городского рынка. Вексельный долг приобрели через банк и предъявили восьмого декабря, когда до расчёта с разрезом оставалось девятнадцать дней. Свободных денег не было. Рылов продал всё за сорок процентов. В мае его нашли в гараже. В тот день Георгий велел водителю ехать дальше и принял девять человек из рыловской бригады. Работали они хорошо. Дешёвая рабочая сила не становилась дороже от чужого несчастья.

Два конверта вернулись пустыми. Лиц не осталось, суммы остались. Оба получателя позднее узнали, что память у Соколова лучше, чем принято думать.

Ольховая стояла отдельной строкой. Две тысячи первый год. Дата, двойная оплата, четыре дня проверки связей — машина, телефон, человек, который знал лишнее. Всё сошлось. Папка закрылась. Слово «совесть» в расчёт не входило: слишком неопределённая единица измерения, расходящаяся при каждой проверке.

В палате он вытащил эту папку из старого внутреннего шкафа, перебрал листы и убрал обратно. Ничего не шелохнулось. Бумага осталась бумагой, а внутри не поднялось ни жара, ни холода. Только правый висок отозвался мелким пульсом, совпадающим с насосом.

Рука дошла до середины простыни и остановилась. Пальцы согнулись по одному: мизинец, безымянный, средний, указательный. Большой палец не присоединился. Попытка повторилась. На второй раз кисть дрогнула сильнее, плечо прижалось к подушке, под лопаткой разлился жгучий след.

Георгий дождался, пока дрожь ослабеет, и отчеркнул новый десяток.

В графе «убыток» лежал затон.

Площадка открылась ему в июне шестого года. Другая встреча ожидала через полтора часа, но машина свернула к реке. Водитель остался на грунтовке, включив аварийку. Вода поднималась за старой насыпью; рыжая поверхность несла щепки, масляные разводы и тонкие белые перья.

Триста метров по шпалам дали первый ответ. Одна провалилась под подошвой, сухо хрустнула и ушла в мокрый щебень. Рельсы висели над землёй ржавыми лохмотьями. Накладка держалась на четырёх болтах.

Два причала обрушились. Бетонные плиты висели на арматуре, изломанные концы прутка блестели от воды. Третий стоял. Кран тоже стоял. В кабине пахло мышинным помётом, старым машинным маслом и горячей ржавчиной. Рычаг под ладонью оказался гладким в одном месте — им пользовались после последнего ремонта.

Стрела дёрнулась, протащила цепь по блоку и поднялась на два метра. Скрежет прошёл через зубы, в челюсти возникла боль.

Снизу посигналили.

На краю причала вода шумела за полметра от сапог. Дебаркадер торчал в тридцати метрах, накренившись и набрав в трюм реку. Рыжая волна била в борт. Над затоном стояло чистое июньское небо. На дальнем берегу цвела черёмуха, белая и безразличная к ржавому железу, сгнившим сваям и человеку, который прикидывал цену каждого разрушенного метра.

Расчёт занял двадцать минут.

Баржи снимали вагонную перевалку. Уголь и мазут шли бы водой. Лом можно было держать под навесом до осеннего подъёма цен. Насыпь оставалась целой; восстановление насыпи требовало бы не времени, а согласований, денег и чужого терпения. Два склада строились за сезон. Один причал — за два. Кран просил ремонта, но не замены. Свободной площадки в городе не имелось. Всем требовалось хранение, никому не хотелось платить за него заранее.

Четыре года окупаемости при хорошем объёме. Пять при плохом. Два года на запуск, один на чиновников, запас на обвал спроса.

Вечером цифры сошлись. Повторный расчёт был хуже: чужая ставка, уменьшенный грузопоток, два года простоя. Всё равно оставался плюс.

Георгий не взял проект.

Причина записалась коротко: три базы, тупик, сорок восемь человек, договор с областью, зимняя репутация. Устойчивое не трясёт ради красивой доходности. Папка ушла в нижний ящик. На корешке появилась дата.

Там лежало шесть похожих папок. Одна содержала мазутный узел на два района и оказалась ловушкой; через тринадцать месяцев от четырёх фирм остались печати и долги. Двое организаторов позже пришли просить работу. Оба получили её.

Затон подняли через семь лет. В пятнадцатом Георгий приехал посмотреть. Четыре линии, два крана, крытые площадки, весовая, собственный тепловоз, охрана у въезда. Двенадцать процентов областного груза шло водой через чужую вывеску. На въезде имелось узкое место; там теряли время, людей и деньги. Георгий отметил его на плане и уехал.

Четыре года против семи лет до чужого результата.

Пальцы у края листа нащупали выпуклость от чернил. Бумага была мягкой от ладони. На четвёртой строке оставалось место для числа, которого уже не требовалось писать.

Фотография лежала под углом. Девушка в двадцать лет, кажется, смеялась за пределами кадра; её не было видно, только светлая полоса плеча у левого края. Георгий поднял снимок. Бумага прилипла к коже, отрываясь с тихим шорохом.

Разбитая бровь появилась за три дня до съёмки. У клуба на Заводской ему задолжали шесть рублей с августа. Должник вышел с двумя приятелями. Первый удар пришёлся ремённой бляхой. Тёплая кровь заполнила рот, язык упёрся в железистый вкус, асфальт поднялся к глазам. Метр до двери, один шаг до должника, ещё один до тех, кто бил.

Вокруг остались только жёлтый фонарь, мокрый край бордюра и собственная ладонь, вцепившаяся в пыль. Ни лица, ни шума, ни страха — один шаг и следующая опора.

Трижды тело поднималось. На третий раз двое ушли. Под фонарём драка становилась долгой, а долг — слишком маленьким для продолжения.

Следующим вечером Георгий пришёл туда же. В девять. Через вечер — снова. На третий день шесть рублей положили в ладонь без разговоров.

Маленький Гоша. Прозвище пристало ещё на первом курсе, от дурацкого стишка. Бойцом он не был: удара не ставил, уходить не умел, бился лбом, плечом, упрямством. Били его часто и толково. К четвёртому курсу перестали.

На снимке парень смотрел прямо в объектив. Руки худые, шея тонкая, рубашка чужая. Ему нечего было терять, кроме тела. Тело расходовали без счёта.

Насос щёлкнул.

Слово «перевалка» вышло из головы незаметно. Вместо него осталась сцена: стропа, ковш, рыжая струя в полувагон, цифра девятьсот сорок. Георгий раскрыл рот, провёл языком по сухому нёбу, собрал звук и не нашёл нужного продолжения.

— Вагонная...

Последний слог рассыпался.

Пальцы на простыне продолжали отмечать щелчки, хотя кожа не подавала сигнала. Девятый. Пауза. Лишний удар. Десятый должен был прийти сразу, но насос задержал его, растянув промежуток до пустого коридора.

Георгий повернул голову к листу. Четвёртая графа ждала. Цифра лежала рядом, ясная, тяжёлая, пригодная для расчёта. В ней помещались уголь, баржа, краска на воротах, зарплата сторожа, ржавчина на крановой стреле. Слово уже не требовалось.

За окном мотылёк не шевельнулся. В коридоре прокатилась тележка, колёса пересекли световую полосу, и на линолеуме осталась влажная дорожка. Палата пахла хлоркой и мокрой шерстью. Где-то за стеной закипел чайник, затем коротко свистнул и умолк.

Георгий выпрямил указательный палец. Движение начиналось от плеча, проходило через локоть, запястье, суставы. Каждый участок требовал отдельного приказа, но приказ можно было заменить привычкой. Палец коснулся простыни.

— Один.

Щелчок насоса пришёл раньше.

— Два.

На третьем между ударами образовалась глубокая пауза. В ней дыхание стало отдельной работой: вдох через сухое горло, задержка, медленный выпуск воздуха, чтобы не сорвать трубку. Грудная клетка поднималась неравномерно. Правая сторона запаздывала.

Четыре. Пять.

Фотография сдвинулась к краю тумбочки. Георгий поймал её большим пальцем, прижал к дереву. Снимок оставил на коже пыль и холодный жирный след.

Шесть. Семь.

На молодой физиономии не было ни затона, ни Рылова, ни Тамары, ни Андрея, который мял кепку у больничной двери. Там стояла только разбитая бровь и взгляд, направленный поверх камеры, туда, где следующий шаг уже превращался в действие.

Восемь.

Пустой четвёртый столбец смотрел вверх.

Девять.

Палец остановился. В горле застрял воздух. Красная кнопка лежала рядом с ладонью; до неё требовалось повернуть кисть, согнуть большой палец, нажать до щелчка. Аппарат уже щёлкал за него.

Десятый удар пришёл глухо.

Георгий поднял глаза на молодого себя. Сколько раз из ста тот парень выбрал бы затон, если заранее знал цену риска? Ответ ещё не успел сложиться в цифру: за дверью кто-то остановился и тихо произнёс его имя. Фотография оставалась под пальцами, лист со схемой — рядом. До следующего щелчка насоса Георгий успел только повернуть голову к двери.

Дверь не открылась.

Голос за ней произнёс его имя ещё раз — тише, с нажимом на последний слог. Медсестра задержалась в коридоре; сквозь щель потянуло холодком, послышался шорох её одежды.

Георгий поднял указательный палец. До красной кнопки оставалось меньше ладони. Кисть повернулась на несколько градусов. Большой палец согнулся. Ноготь упёрся в гладкий пластик, но нажима не хватило.

Щелчок насоса.

Секунда растянулась по внутренней стороне век. Белая палата ушла. Остался чёрный круг кнопки, красная кромка, впадина под большим пальцем. Давление передавалось в сустав, из сустава — в предплечье, дальше распадалось. Пальцы разжались.

Дверь скрипнула.

— Георгий Николаевич?

Шаги приблизились. Кто-то задел стул, ножка коротко прошла по полу. Влажная дорожка от тележки блестела в световой полосе. Там лежала одна капля, круглая, прозрачная, с маленьким серым волоском внутри.

Грудь поднялась.

Воздух вошёл не весь. Часть осталась в горле, часть застряла под рёбрами. Выпуск начался с тонкого свиста. Аппарат ответил ему ровным механическим ударом.

Десять.

Нет. Десять уже было.

Палец лежал на простыне. Кожа не давала ответа. Насос щёлкнул снова, и число отодвинулось, потеряло край, перестало быть десятью. Остался звук. Потом второй. Потом расстояние между ними.

— Позовите врача, — сказала сестра кому-то в коридоре.

Слово «врач» дошло отдельной тяжёлой деталью. За ним не последовало ни лица, ни действия. Только белая капля в световой полосе. Волосок в ней дрогнул от движения воздуха и снова лёг поперёк прозрачного круга.

Красная кнопка стояла рядом.

Кисть не повернулась.

Следующий вдох начался снизу, из живота, поднялся до груди, упёрся в трубку. Плечо дёрнулось. На губах выступила влага. Язык прошёл по ней, собрал соль, но рот остался сухим.

В палату вошли. Матрас прогнулся у бедра. Чужие пальцы легли на запястье, считая не его числа. Кто-то убрал с тумбочки фотографию. Бумага скользнула по дереву, зацепила край листа и сдвинула его на толщину ногтя.

— Георгий Николаевич, слышите меня?

От этого голоса в теле не осталось силы для ответа. Воздух ходил по трубке, рука лежала на простыне, веки прикрывали свет. Три отдельные работы продолжались ещё немного. Потом одна перестала начинаться. За ней — вторая.

Аппарат дал длинный ровный звук.

Палата не изменилась. Чайник за стеной снова набрал воду и замолчал. Колёса тележки высохли на линолеуме. На стекле мотылёк сохранил распластанные крылья.

Тишина пришла не сразу. Сначала исчезло расстояние между щелчками, затем исчез сам аппарат. Лист, дверь, красная кнопка — всё отступило за пределы тела. Последним остался волосок в капле. Он лежал поперёк прозрачного круга, и круг не высыхал.

Потом не осталось даже его.

***

Боль пришла раньше света.

Она вошла в правую ладонь узкой горячей полосой и сразу разошлась до локтя. Под спиной холодила мокрая доска. Левое колено упиралось во что-то твёрдое, затылок лежал на мешке, набитом угольной крошкой. Воздух приносил сажу, плесень, старую золу и кислый запах человеческого тела. В глубине стены капала вода. Три удара. Пауза. Два.

Веки разошлись с трудом.

Над лицом висело низкое потолочное перекрытие. Между досками просачивался серый свет. У самого носа лежал кусок угля, плоский с одной стороны и острый с другой. Чёрная пыль забилась в трещины. При вдохе она осела на языке, заскрипела между зубами.

Рука поднялась сама, но не так, как требовалось. Маленькое предплечье дрогнуло, локоть упёрся в доску, пальцы разжались по одному: мизинец, безымянный, средний, указательный, большой. Каждый сустав отзывался болью. Ладонь оказалась детской — узкой, серой, с обломанным ногтем и свежим порезом у основания большого пальца.

Пальцы задержались перед лицом.

Кожа была тонкой. Через неё проступали синеватые жилки. На костяшках сидела угольная корка. Такая рука не могла удержать мешок, открыть тугой вентиль, сдвинуть железный засов. Для счёта она годилась. Для работы — пока нет.

В животе свело пустым жёстким узлом. Рот наполнился слюной, но проглотить её получилось только со второго раза. Зубы застучали. Не от холода: тело экономило тепло, сжимая мышцы короткими сериями, одна за другой.

Где-то рядом хрипло втянули воздух. Другой ребёнок перевернулся на соломе. Заскрипела верёвка. За стеной прошёл тяжёлый воз, колёса глухо провалились в грязь, лошадь ударила копытом. Никто не позвал. Никто не вошёл.

Имя возникло без голоса.

Рен.

Вслед за ним пришло число: семь. Не год, не цена, не количество мешков. Возраст. Число легло внутри ровно, без спора. Рядом возникли другие сведения: есть старшие, есть надзиратели, есть место, где выдают миску; спорить нельзя; чужое отбирают до того, как успеешь сжать пальцы.

Имя Георгия Соколова тоже осталось. Сын Андрей, Тамара, фотография на тумбочке, не взятый затон и палата, где оборвался счёт, — всё это помнилось ясно. Между последним вдохом старика и первым вдохом ребёнка не было ни дороги, ни объяснения. Сознание Георгия проснулось в чужом теле, а вместе с ним проснулись прежние привычки. Тонна состояла из тысячи килограммов. Прибыль начиналась не с цены, а с потерь. Долг, который не называли вслух, не исчезал. Человек, обещавший заплатить после разгрузки, уже переносил чужой риск на чужие плечи.

Семилетние руки не умели ничего из того, что когда-то могли его руки. Считать и замечать несоответствия они не мешали.

Рен сел. С первого раза не вышло: правая рука сорвалась по мокрой доске, плечо ударились о стену, из пореза выступила сукровица. Вторая попытка началась с коленей. Сначала подогнуть левое, затем подтянуть правое, прижать пятку, перенести вес. Спина упёрлась в бревно. В глазах поплыл мутный свет.

На груди висела рубаша, жёсткая от засохшей грязи. Под ней не было ничего. Штаны держались на верёвке, один край распустился. Ступни почернели, между пальцами набилась влажная пыль. На левом большом пальце вздувался пузырь.

Рядом стояла миска.

Деревянная, с трещиной у края. На дне засохла каша, тонкий серый слой, непригодный для еды. Рен протянул руку, провёл ногтем по стенке и собрал крошку. На языке она стала холодной, безвкусной, с песком. Желудок сжался ещё раз.

Миску он поставил ближе к себе и прикрыл локтем.

Движение вышло бессмысленным. Здесь некому было отнимать еду. Но локоть остался на месте, образовав вокруг миски маленькую ограду. За пределами ограды лежали мешок, доска и чужая пятка. Внутри — пустое дно.

Снаружи ударил колокол. Звук прошёл сквозь стену и продавил грудную клетку. На третьем ударе Рен зажал уши. Ладони не закрыли их полностью; пальцы были короткими, проход оставался. Каждый новый удар входил в голову через этот зазор.

Голоса за дверью стали различимы. Грубые, сонные, с местными окончаниями. Несколько слов дошли целиком: подъём, двор, уголь, опоздавших не кормить. Остальные рассыпались в шум. Старые названия — поставка, база, вагон, затон — поднялись в памяти и не нашли вокруг подходящих предметов. Они звучали внутри бесполезными металлическими жетонами.

Вместо них пришли новые: яр, двор, норма, хозяин.

За дверью повернули засов.

Рен встал, держась за стену. Доска холодно вошла в ладонь занозой. Пальцы сжались, зацепили её, выдернули. Кровь смешалась с угольной пылью и стала густой чёрной точкой.

Проход оказался ниже роста. Пришлось согнуться, выставить вперёд плечо, пропустить сначала голову, затем больное колено. Дверь задела спину и оставила на рубаше свежую влажную полосу. В коридоре пахло дымом, навозом и варёной репой. Справа тянулся ряд низких дверей. За ними кашляли, шевелились, ругались во сне. Никто не поднял головы.

На дворе шёл дождь.

Капли били по коже, холодные, частые. Камень под ногами скользил; босая ступня съехала, большой палец распластался по грязи, пузырь лопнул. Боль вспыхнула, но Рен не оста-

новился. У стены стояла бочка с водой. На поверхности плавали угольные хлопья. Ладони зачерпнули мутную воду, рот коснулся запястья. Вкус железа, глины и чужой слюны. Вторую пригоршню он выпил медленнее.

За воротами начинался Карсан.

Город поднимался серыми ярусами: каменные стены, мокрые крыши, узкие проходы, дым над трубами. Колёса вязли в грязи. Издалека доносился гул воды, тяжёлый и постоянный. Где-то работали подъёмные колёса, и земля отдавала каждый удар подошвам.

К воротам согнали детей. Старший крикнул, пересчитал их, ткнул пальцем в Рена. Имя занесли в память не словами, а коротким толчком под рёбрами: стоять в конце, не спорить, идти туда, куда указали.

Рен опустил глаза на свои руки. Маленькие пальцы сжались, разжались, снова сжались. Между ними оставалась чёрная пыль. В ней не было ни больничной белизны, ни фотографии, ни последнего щелчка. Только уголь, мокрая кожа и возможность удержать то, что ещё не успели отнять.

Ворота открылись.

Рен шагнул в Карсан.

Грязь на сваях

Стылый капельный гул гудел под тёмными сводами древнего водовода. Сменная сырость Карсана не имела конца. Серый дождь пробивался сквозь трещины вековой каменной кладки верхнего яруса, превращаясь над нижними галереями в плотную сырую взвесь. Вода стекала по дубовым сваям, покрытым скользким налётом чёрной слизи, и уходила вниз, в невидимую темноту. Там, на глубине трёх саженей, содрогались от ударов речного потока тяжёлые лопасти водоподъёмных колёс, передавая вибрацию прямо сквозь подошвы в кости голеней.

Под ногами зыбился настил. Трёхдюймовые сосновые плахи, разбухшие от влаги и соединённые коваными скобами, прогибались над полуторасаженной пропастью грязной жидкой каши. Каждая подвода, въезжавшая на верхний уровень, роняла сквозь щели крошку антрацита и липкую угольную пыль. Пыль смешивалась с дождевой водой, забивала поры дерева, превращая мокрые доски в скользкое зеркало.

Позиция у деревянного лотка четвёртого сортировочного грохота требовала постоянного распределения веса. Семь лет физического возраста обозначали себя костной недоразвитостью: узкая грудная клетка, короткие плечевые рычаги, пальцы с въевшейся под ногти иссиня-чёрной въедливой гарью. Правая ладонь несла на себе позавчерашний порез от колчеданного сланца. Длинный струп потемнел, но при каждом сжатии пальцев вокруг черенка лопаты из-под края корочки сочилась прозрачная сукровица, оставляя влажный липкий след на намороженной древесине.

В трёх шагах левее копошился Тин. Девятилетний актив совершал слишком много неэффективных движений. Кашель Тина — сухой хруст пересохшей дранки. Лопата входила в кучу немытого угля под углом в сорок пять градусов вместо оптимальных тридцати, отчего половина массы сваливалась обратно в грязевой затор. Мышечная масса Тина сократилась за последний месяц минимум на двенадцать процентов. Рёбра проступали сквозь драную мешковину куртки чёткими параллельными валиками, а движению локтей сопутствовал сухой щелчок в суставах.

Лисса работала у противоположного края грохота. Восемь лет, масса тела едва превышала шестнадцать килограммов. Мелкая дрожь не прекращалась в её теле с момента утреннего сигнала. Мокрые волосы прилипли к лбу. Пальцы левой ноги, торчавшие из пробитого кожаного поршня, побелели, потеряв чувствительность. Попытки отсортировать крупный кусковой антрацит от штыба срывались: мокрая угольная грязь весила больше самого угля, забивая ячейки сита плетёного короба серым пластилином.

В архиве памяти Соколова шелкала сухая арифметика. Две тысячи калорий — норма на взрослого грузчика. Восемьсот калорий — текущий суточный рацион приютского на нижнем ярусе Карсана: миска серой овсяной затихи и осьмушка плесневелого ячменного хлеба. При такой дельте энергоресурса физическая деградация Актива-01 и Актива-02 выходила на критическую точку через четырнадцать суток. Потеря этих единиц означала разрушение созданного периметра. Без них Рен останется один перед лицом старших грузчиков и надсмотрщиков, теряя возможность распределять физическую нагрузку и удерживать технологическую позицию у весов.

Старый мир с его терминами вроде «эмпатии», «гуманизма» и «детских прав» истлел в момент переноса, превратившись в бессмысленный акустический шум. В сухоткастом остатке пребывали лишь векторы сил, коэффициенты трения, масса сухой породы и стоимость калории на мануфактурном рынке.

Сзади раздался тяжёлый удар железа о дерево. Настил вздрогнул.

Из туманного занавеса дождя проступил старший смены Горт. Тяжёлый туловищный массив обтягивал кожаный фартук, пропитанный бычьим жиром и дёгтем. Правая рука сжимала мерник — шестигранный дубовый брус длиной в ярд, окованный по торцам свинцовыми

обручами. На левом боку Горта висела связка деревянных бирдочек — отрезков рейки с зарубками, фиксировавшими дневную выработку каждого малолетки.

— Стой! — Голос Горта — хриплое рыканье, глушившее гул водовода. — Сдать лопаты! Подсчёт промежутка!

От неожиданного крика Лисса вздрогнула, выронив ивовый короб. Чёрная жижа всплеснула, обдав её голени грязными брызгами. Коромысло плетёнки погрузилось в месиво.

Шаги надсмотрщика отдавались в мокрых плахах глухим гулом. Окованный брус опустился на край лотка с сухим костяным стуком. Маленькие глаза, заплывшие желтоватым жиром, вьелись в корзины.

— Сектор четыре, — прорычал Горт, перекидывая во рту сушеный табачный лист. — Лисса. Шесть корзин до полудня. Где шесть?

Настил под ногами девочки дрожал от её собственной мелкой тряски. У края сортировочного сита стояло лишь три полных короба. Четвёртый был заполнен на треть, причем сверху плавала жидкая угольная осыпь.

— Я... грязь тяжелая, дядя Горт... — Голос Лиссы провалился в сип. — Промывать не успеваю, забивается...

Брус в руке надсмотрщика взвился без замаха. Траектория движения: сверху вниз, под углом к левому плечу. Удар такой силы гарантированно трескал ключицу восьмилетнего ребенка, выводя рабочую единицу из строя на шесть недель. В условиях Угольного двора это означало немедленное списание в сливную канаву.

Взгляд фиксировал движение за ноль-три секунды до взмаха. Смещение собственного центра тяжести влево. Шаг босыми ногами по мокрому настилу. Пальцы левой руки вцепились в кромку плетёного короба Тина, где лежал отобранный крупнокусковой антрацит — сухой, плотный, отложенный с верхнего края дренажного лотка еще до прихода смены.

Короб весом в двадцать два фунта взлетел над плахами. Рывок задействовал мышцы спины и бедер семилетнего тела, заставив суставы хрустнуть под предельной нагрузкой. Изпод свежего струпа на правой ладони выплеснулась струйка сукровицы, смазав доски корзины. Короб встал ровно между падающим брусом Горта и плечом Лиссы.

Свинцовый обруч дубины врезался в ивовое плетение.

Раздался сухой треск. Щепки брызнули в стороны. Уголь плотной черной россыпью вывалился прямо под подкованные сапоги надсмотрщика. От неожиданного сопротивления Горт отшатнулся, его сапог скользнул по мокрому куску антрацита, и массивное тело чуть не потеряло равновесие.

— Что за... — Надсмотрщик уставился вниз.

Отсутствие слез, отсутствие вздетых рук, отсутствие детской дрожи. Лицо Рена оставалось плоской маской из серой угольной пылицы и дождевой воды. Взгляд сфокусировался на узкой точке — медной бляхе на поясе Горта. На этом кругляхе выбит номер смены и клеймо гильдии: три перекрещенных молота.

— Норма сектора четыре выполнена, — произнес Рен. Голос прозвучал ровно, без дыхательной одышки, несмотря на перенесенный вес. — Три корзины Лиссы. Четыре корзины Тина. Мои пять. Суммарный вес — двести восемьдесят фунтов. Контрольный объем закрыт.

Горт медленно поднял дубину. На его узком лбу вздулась багровая жила.

— Ты чё вякнул, огрех? — Свинцовый набалдашник ткнулся в грудь Рена, продавливая сырую мешковину до ребер. — Ты мне цифры крутишь? Лисса не добрала две корзины! Тин наскреб три!

— Открой бирку, Горт, — Рен не сделал ни шага назад, хотя металл набалдашника впиался в кость. — В правилах приемки Угольного двора, параграф семь, указано: выработка считается по сектору, если работа идет на одном грохоте. Дефицит массы одного рабочего перекрывается избытком другого, если фракция соответствует первому классу. В моем коробе

— чистый кусковой уголь из верховой жилы. Плотность два и один. Масса первого класса перекрывает воду в корзине Лиссы.

Движение надсмотрщика оборвалось. Табачная жвачка комком застряла за челюстью.

Слова «параграф семь», «фракция» и «плотность» упёрлись в заскорузлый слух челядинца чужеродным заговором. Привычный порядок нижних настилов распределял детские звуки по двум категориям: визг от удара черенком и скулёрж над пустой миской. Чеканная речь приютского задохлика выламывала устоявшуюся схему смены.

— Грамотный, получается? — хрипота продрала глотку Горта.

Тяжелый наклон массивного туловища принес острую вонь прогорклого сала, сивушного перегара и гнилых кариозных дупел.

— Кто тебе позволил рот разивать, сопля?

— Гильдейский весовщик на верхнем помосте, — ровный чекан голоса Рена оставался неподвижен, взгляд удерживал позеленевшую медную бляху надсмотрщика. — До полудня сектор обязан сдать общий вес. Без этого смену не закроют. Старший приемщик срежет вычет из личной доли. По четыре медяка за каждый недобранный центнер. Шестнадцать медяков убытка за один кусок дня.

Числовая выкладка достигла цели без промаха. Единственная понятная силовым структурам яруса форма давления — убыток в собственном кошельке.

Скрипнули сжатые желтые зубы надсмотрщика. Левая пятерня с рёвом метнулась к биркам на кожаном поясе. Сломанный ноготь, изъеденный чёрной плесенью грибка, с треском проорал глубокую канавку на сосновой рейке Рена.

— Умный, значит, — слюна с брызгами вылетела сквозь щель между зубами Горта. — Ладно. Сектор сдаёт двести восемьдесят. Только со следующего рассвета твоя личная выработка — семь коробов. Сам крутись. Не выставишь хоть фунт — лично спущу шкуру. С тебя и с твоих паршивых задохликов. Понял?

— Добавь знак перевеса, — Рен не изменил тона. — Без отметки весовщик забракует смешанный сорт.

Деревянный сосновый брусок принял свирепый наискосок глубокий рез. Свежая щепка брызнула в сторону, и надсмотрщик швырнул бирку под ноги Рену. Деревяшка со шлёпом погрузилась в угольное месиво.

— Подбери и марш на помост! Волочите короба к весам! Живо, твари!

Тяжелые кованые сапоги надсмотрщика запечатали шаг по прогибающимся доскам галереи. Свинцовый набалдашник дубины отсчитывал ритмичные удары по мокрым сваям: *тук, тук, тук*.

Лисса сползла по обвязочному брусу грохота, уткнувшись лбом в согнутые колени. Мелкая дрожь сотрясала плечи без единого звука — вьевшийся рефлекс приютских: голосить значит манить дубину. Тин осел на корточки, сопя через открытый рот. Из рваного разреза на ладони алая, густая кровь цедила струйку на мокрую угольную грань, где её тут же смывала дождевая вода.

Пальцы Рена выловили сосновую бирку из грязи. Сырая мешковина куртки впитала жижу с надрезанной плоскости.

— Подняться, — приказ сухо звякнул над грохотом. Никаких интонаций сочувствия или тепла — жесткий регламент цехового управляющего. — Тин, бери малый короб. Засыпь два совка сухого угля сверху на грязь у Лиссы. Лисса, вытри нос. Бери левую ручку носилок.

— Рен... — Тин вскинул голову. Желтизна склеры вокруг его зрачков налилась тяжелым лимонным оттенком — несомненный признак печеночного застоя от сырости и дородной лихорадки. — Он же повесил на тебя семь коробов... Не вытащишь. Физиология не выдержит.

— Заткнись и впрягайся, — палыцы Рена обжали плетовки главного короба. — Норма выработки — моя зона ответственности. Потеря вашей рабочей единицы сегодня стоила бы мне трех часов пересортировки завтра. Марш на настил.

Тридцать ярдов крутого подъема отделяли просеиватель от гильдейского помоста. Деревянный настил с набитыми поперек упорными рейками уходил вверх, упираясь в основание каменной арки древнего водовода. На высоком дощатом цоколе выделялась сухая будка весовщика — уединенный островок среди ревущей сырости.

Каждый шаг семилетнего тела превращался в расчёт механики и суставных трений:

Левая стопа: пятка вклинивается в ребро рейки. Протектор стоптанного поршня скользит по слизи. Икроножная мышца скручивается болезненным узлом судороги. *Правая стопа:* смещение нагрузки вперед на восемь дюймов. Проекция центра тяжести переносится на передний край тазового кольца. *Позвоночный столб:* компенсаторный изгиб грудного отдела. Сжатые ребра укорачивают амплитуду легких; дыхание — рваный, сухой толчок. *Кисти рук:* ивовый прут короба срезает мозолистый слой. Кожа ладони лопается, свежая сукровица смешивается с углем, затираясь в чёрно-бурую вязкую мазь.

Карсан кипел всеми ярусами вокруг. Сотни одинаковых серых теней, обмотанных мешковиной, карабкались по параллельным галереям. Верещали деревянные блоки, визжали натянутые пеньковые канаты, трещали под тяжестью груза шкивы. Сверху, с гранитных висячих ярусов, где дымили мануфактуры и высились хоромы гильдейских мастеров, спускался непрерывный низкочастотный гул. Там колотили панорамные атмо-молоты, водяные турбины вращали приводы цехов. Каменным горам верхнего города требовался угольный рацион — тысячи тонн чистого, сухого антрацита первого класса.

Внизу же, на свайных нижних уровнях, проникающая влажность уничтожала до трети добычи. Пропитанный водой угольный штыв — мокрая мелочь — терял способность к ровному горению. В топках котлов эта масса спекалась в монолитный шлаковый корж, ломающий чугунные колосники. Оттого сухой кусковой уголь ценился в тройном размере против сырой смеси.

Наклонный настил обрубился ровной площадкой. Тяжелый короб со шлёпом лег на сухие доски перед коваными прутьями приемного узла.

За решеткой, у пылающего камина, забитого крупными кусками антрацита, расположился гильдейский весовщик. Суконный кафтан с латунными пуговицами и накрахмаленный воротник контрастировали с кожаными наручами. Центральное место дубового стола занимали Казённые Весы.

Чугунная литая рама высотой в три фута выделялась вороненым темным остеклением масляной пленки. Из рамы выходила опорная стойка, держащая литое бронзовое коромысло длиной в целый ярд. На его концах, на витых стальных цепях, качались две чаши из полированной латуни. Правая чаша несла гильдейские мерные гири — черные чугунные цилиндры с запечатанными в толщу медными клеймами. Левая чаша предназначалась для подношения коробов с углем.

Дюжий помощник весовщика с промасленной кожаной перевязью через плечо подхватил дугу короба длинным железным крюком. Ржавый зацеп со скрежетом вошел в ивовые прутья. Рывок — и тяжелая корзина, источая жидкую угольную грязь, взлетела на левую латунную чашу.

Бронзовое коромысло опустилось с тяжелым, сухим гулом. Металлическая вибрация прошла сквозь чугунный настил прямо в подошвы драных башмаков Рена.

Детские палыцы вцепились в холодные прутья решетки, впитывая грязь и вьевшуюся сажу. Чугунные полосы впивались в костяшки, оставляя белые вдавленные следы. Рен замер у самого края настила. Глаза фиксировали пространственную геометрическую схему весового механизма.

Приемщик — сидевший за дубовым столом грузный мужчина с красными от сырости жилами на щеках — толкнул пальцем черный чугунный цилиндр в двадцать фунтов. Покрытая вплавленным медным клеймом гиря со звоном скользнула по правой чаше. Затем широкая ладонь сняла с подставки малый двухфунтовый противовес.

Раздался металлический щелчок. Коромысло выровнялось, качнулось трижды по убывающей амплитуде и замерло. Латунный указатель замлел ровно напротив центрального зуба чугунной рамы.

— Сектор четыре, — выдохнул весовщик, обдав решетку кислым перегаром и сырым паром. — Показывай бирку Горта.

Рен протолкнул деревянный брусок сквозь узкий зазор между прутьями. Косая насечка на сырой березе сверкнула в свете фонаря. Весовщик подхватил бирку маслянистыми пальцами, бросил в кованный лоток, после чего гусиное перо со скрипом прошло по страницам узкой книги в переплете из свиной кожи. Запах свежей туши смешался с вонью мокрого сукна.

— Двести восемьдесят суммой, — проскрипел весовщик, не поднимая головы. — Зачет. Проваливай.

Рен не сделал ни шага.

Внимание мертво вьелось в центральный узел подвеса бронзового бруса — точку, где трехфутовый рычаг соединялся с вертикальной чугунной стойкой.

Декоративная латунная накладка в виде гильдейского герба — скрещенные молоты под короной — закрывала от посторонних глаз опорный призматический шарнир. Но в ту секунду, когда помощник поддел крюком дугу корзины и снял нагрузку с левой чаши, микроскопический люфт обнажил скрытое устройство.

Призматическая опора из закаленной стали покоилась не на неподвижном ложе. Стальное ребро упиралось в крошечный эксцентриковый валик со срезанной фаской. От валика сквозь тело вертикальной колонны уходил вниз тонкий металлический стержень. Едва заметный прут заканчивался под толстой дубовой столешницей, аккурат возле левого колена весовщика. Там висел гладкий, темный от частых прикосновений деревянный рычажок.

Взгляд Соколова мгновенно разложил видимые элементы в кинематическую цепь.

Левое колено приемщика привычно уперлось в деревянную плашку под столом. Едва заметное внешнее движение бедром на два сантиметра — и стержень проворачивал эксцентрик ровно на полтора градуса. Призматическая опора бруса смещалась вправо на полтора миллиметра. На ярдовой длине бронзового коромысла этот сдвиг перекраивал отношение плеч рычага.

Математический расклад выстроился в уме Рена за долю секунды:

Рабочее плечо SL_1 (корзина с углем) = $18,0$ дюймов. Опорное плечо SL_2 (чугунные гири) = $18,0$ дюймов в нулевом положении. При смещении эксцентрика: $SL_1 = 18,06$ дюйма, $SL_2 = 17,94$ дюйма. Соотношение плеч: $18,06 / 17,94 = 1,0067$.

Искусственный погрешностный сдвиг составлял от 4,5 до 5,2 процента при каждом взвешивании. Чистый системный обвес в пользу гильдии. С каждых ста фунтов добытого угля приемщик отбирал в пользу склада больше пяти фунтов сухого антрацита. При суточном обороте Угольного двора в двести тонн избыточная дельта давала гильдии до десяти тонн неучтенного, высококалорийного топлива.

Это не был естественный износ деталей или люфт от сырости. В конструкцию казенного измерительного прибора изначально заложили промышленный механический взлом.

— Эй, задохлик, — тяжело проговорил приемщик, отрывая взгляд от свиной книги.

Густые бледные брови надсмотрщика сошлись к переносице. Взгляд весовщика зацепился за неподвижную фигуру мальчика, за его странный, цепкий и сухой прицел глаз, направленный прямо на опорную стойку весов. Подозрение мелькнуло в мутных белках приемщика.

— Ты чего вытаращился? Слух потерял? Проваливай, пока Горт тебя за шкуру обратно на нижний настил не спустил.

Рен опустил веки, пряча вспышку жесткого расчетливого удовлетворения за привычной маской истощенного ребенка.

Монолитная система гильдейского учета, казавшаяся сверху неотвратимой и нерушимой, только что обнажила технологический шов. Казенный механизм содержал уязвимость. А любой механический шифр, основанный на смещении центра масс и геометрическом плече, поддается расчету, взлому и обратной инверсии.

— Ухожу, господин весовщик, — тихо отозвался Рен.

Поворот на скользком настиле отозвался тупой болью в натруженных детских щиколотках. Рен начал спуск по мокрому деревянному пандусу, туда, где у подножия эстакады ждали Тин и Лисса, дрожащие под струями ледяной воды. Дождь по-прежнему бил сквозь своды Карсана, но в памяти семилетнего мальчика уже кристаллизировались первые формулы будущей компенсации.

Механика клейма

Гнилая солома барака отдавала кислым прелем, мокрой мешковиной и стоялым человеческим потом. Под дощатым полом, на глубине трех саженей, содрогались в темном речном потоке лопасти водоподъемных колес. Каждая вибрация чугунной оси передавалась через дубовые сваи в настил, в тлеющие рогожи, прямо в затылочную кость.

Сквозь щели потолочных плах капала дождевая вода. Тяжелая капля разбивалась о край ржавого чугунного котелка через каждые 1,4 секунды. Гуловый акустический отклик отмерял ровные временные интервалы.

Пальцы правой руки наткнулись на плотный подсохший рубец на ладони. Струп от колчеданного сланца потемнел, но при сгибании фаланг под край корочки проступала липкая сукровица, смешиваясь с вьезшейся угольной гарью. Изъеденные солью ткани на пальцах отзывались тупым, пульсирующим жжением.

Тин на соседней подстилке издал сухой, скрипящий звук. Грудная клетка девятилетнего мальчика вздымалась рваными, короткими толчками, ребра проступали под драной курткой тонкими параллельными валиками. Кожный покров локтей и висков отдавал лимонным оттенком печеночного застоя. Восемьсот калорий суточного пайка из ячменной затихи преобразовывались в медленный физиологический распад. Четырнадцать суток до полного отказа мышц. Потеря этой рабочей единицы превращала удержание сортировочного грохота в невозможность.

Лисса спала, сворачиваясь в узел у стены, подставив под течь рваный поршень. Масса её тела — пятнадцать килограммов восемьсот граммов. Судорожные сокращения икроножных мышц происходили с интервалом в сорок секунд.

Движение стопы вниз с настила потребовало расчёта четырех физических шагов. Первый: выпрямление правого колена, натяжение ахиллова сухожилия, преодоление трения мокрой соломы. Второй: переноска центра тяжести на левую тазовую кость, прогиб поясничного отдела. Третий: опускание босой подошвы на скользкий дубовый брус. Четвертый: бесшумный сдвиг массы вперед на шестнадцать дюймов.

Холодный воздух галереи встретил плотным шлейфом угольной гари, сырого сукна и прогнивших свай. Серый дождь Карсана не утихал над нижним ярусом, превращаясь под каменными сводами древнего водовода в плотный ледяной туман. Мелкие капли въедались в мешковину куртки, отбирая тепло кожи.

Дверная щель барака затворилась без щелчка. Настил под ногами уходил в темноту — уличные галереи Угольного двора пролегали над трехсаженной пропастью мокрого штыба. Слева, сквозь туманную взвесь, высились сужения каменных арок Империи. Высоко над головой, на висячих ярусах мастера гильдий жгли крупный антрацит, и низкий гул атмо-молотов проникал сквозь толщу гранита прямо в суставы.

Из темноты нижнего пролета вылетел жесткий акустический импульс: короткий кованый шаг.

Перемещение под поперечный дубовый раскос заняло ноль-четыре секунды. Пальцы впились в мокрую грань свай. Поверхность дерева покрывал сантиметровый слой скользкой черной слизи, из-под ногтей выбило мелкие щепы.

Из тумана проступили две фигуры. Люди Ильмара обходили секторы после полуночной смены. Куртки из бычьей кожи, пропитанные дегтем, блестели от влаги. В руках переднего покачивался масляный фонарь с мутными слюдяными окошками. Желтый луч совал по мокрому настилу, выхватывая стыки досок и шляпки кованых скоб.

Справа от фонаря вспыхнул короткий стальной отсвет. Наконечник заточки — граненый напильник, сбитый на конус и обмотанный по черенку промасленным бечевым шнуром. Длина

клинка — восемь дюймов. Угол лезвия предназначен для пробития плотного сукна и кожи межреберных пространств.

— В четвертом опять выгреб неполный, — прорычал передний. Голос продрал глотку с хрипом, табачная жвачка комком перекатилась за щекой. — Горт забивает бирки косым резом. Аудитор утром пересчитает — шкуру спустит с обоих.

— У Горты задохлики дохнут, — откликнулся второй, поправляя тяжелый пояс с железными пряжками. — Завтра двух малолеток на верхний слив выгонят. На их место новых из барака спустим.

Фонарный луч прошёл в трех дюймах от левого поршня Рена. Внимание сузилось до единственной пространственной детали: под головкой кованого болта на поперечной балочной скобе застрял сухой, омертвевший жук-короед. Черный панцирь треснул пополам, левая лапка заклинила в ржавой резной канавке. Внешняя опасность отступила за границы фокуса. Лишь спиральный узор на чугунной шляпке и трещина на сухокрыле удерживали зрительный вектор.

Шаги патруля удалились по дощатому пандусу. Стук кованых сапог затих в гуле водо-подъемных колес.

Смещение центра тяжести вправо. Выход из-под раскоса. Дыхательный цикл — сухой, короткий толчок сквозь согнутые ребра.

Путь к приемному узлу гильдии лежал через наклонный настил второго пролета. В темноте тридцатиградусный подъем превращался в расчет коэффициентов трения. Деревянные упорные рейки, набитые поперек плах, разбухли от сырости. Каждое прикосновение голой стопы требовало жесткой фиксации пяты на ребре решетины.

Приемная будка гильдейского весовщика возвышалась на изолированном дощатом цоколе у подножия арки водовода. В дневные часы здесь сгорали тонны сухого антрацита, нагревая кирпичный камин. Сейчас из узкого трубаря не шел дым, но вонь прогоревшего угля, сырой туши и вара пропитывала доски насквозь.

Дубовая дверь приемного узла упиралась в чугунную раму. На уровне пояса висел засов из кованого железа — полоса толщиной в полдюйма, уходившая в глубокий скобный паз.

Пальцы выловили из кармана куртки заготовленный днем предмет: обломок стальной проволоки от развалившегося ивового короба. Длина — пять дюймов, конец плющен камнем до состояния плоского клина.

Штихельный инструмент вошел в щель между дверным косяком и железной полосой. Трение стали о сталь: сухой металлический скрип. Смещение запорного язычка влево на четыре миллиметра. Поворот проволочного рычага под углом в тридцать градусов. Пружинный фиксатор паза отогнулся с глухим металлическим кликом.

Дверь подалась внутрь на три дюйма. В лицо ударил плотный воздух запертого помещения: запах сургуча, промасленной кожи, свежeweделенной свиной шкуры учетных книг и старого перегара.

Внутри будки царила тьма — густой промасленный гудрон. Зрительные рецепторы адаптировались тридцать секунд. Серые контуры предметов выделились из мрака: дубовый стол, массивное кресло с высокой спинкой, выключенный камин и центральная конструкция — Казённые Весы.

Чугунная рама высотой в три фута возвышалась над столешницей монолитной надгробной плитой. Вороненая поверхность металла собирала слабый отсвет ночного тумана, проби-вавшегося сквозь щели в ставнях. Бронзовое коромысло длиной в ярд замлело в абсолютном горизонтальном покое.

Рука Рена коснулась холодного бронзового бруса. Металл отдал ледяным ожогом.

Качественный кинематический анализ требовал изучения центрального узла подвеса. Декоративная латунная накладка в виде гильдейского герба — скрещенные молоты под коро-

ной — перекрывала доступ к внутреннему призматическому шарниру. Снизу накладку удерживали два потайных стальных винта со шлицами конической формы.

Вместо отвертки в шлиц левого винта уперлось ребро медной бляхи, снятой дном с обода выброшенного корча. Торсионное усилие пальцев семилетнего тела вызвало сухую судорогу в предплечье. Веретенообразная мышца натянулась стальной струной.

Сухой металлический треск резком отдался в мелких костях запястья. Винт сорвался с резьбы, вытолкнув на дубовые доски щепоть стальной стружечной пыли. Торсионное напряжение спало, отозвавшись в фалангах пальцев жгучим избытком молочной кислоты. Врезавшееся в шлиц ребро медной бляхи смялось, оставляя на стальной головке второго крепежа легкий заусенец. Вращение против часовой стрелки шло мягче: виток за витком резьба отдавала удерживающее усилие. Второй винт выпал в ладонь, ободрав на меди широкую бледную канавку.

Снятая латунная накладка легла на пыльную древесину столешницы беззвучно, тяжелым дугообразным куском. Тьму под короной герба сменила обнаженная металлическая геометрия центрального узла подвеса.

Закаленная стальная призма — клин с угол заточки в сорок пять градусов — давила верхушкой в полукруглую канавку. Под канавкой отсутствовал монолитный массив рамы. Основанием шарнир опирался на цилиндрический стальной вкладыш — эксцентриковый валик диаметром ровно в три четверти дюйма. В торце валика чернело сквозное гнездо со сложным профилем: шестигранное отверстие, перерезанное тремя неравномерными внутренними пазами.

Гнездо являлось Казённым Клеймом. Не химическим оттиском на бумаге и не сургучной печатью. Промышленным механическим шифром.

Служебный гильдейский ключ с соответствующим трехпазовым шестигранным профилем входил в гнездо при смене сезона либо прибытии аудитора. Проворот ключа смещал валик вокруг его собственной геометрической оси, меняя базовое положение призматической опоры относительно центра масс рамы.

Пространственные векторы механизма выстраивались в чистую кинематическую проекцию:

Положение нулевое (заводская калибровка): нижняя точка эксцентрика. Ось вращения коромысла делит бронзовый брус точно пополам: $L_1 = 18,00\$$ дюймов, $L_2 = 18,00\$$ дюймов. Математическое соотношение плеч равно $1,0000\$$. Погрешность взвешивания отсутствует.

Положение рабочее (гильдейский сдвиг): валик повернут на $1,5\$$ градуса вправо. Смещение центра вращения составляет $0,06\$$ дюйма по направлению к чаше с гириями. Длина рабочего плеча L_1 (короб с углем) равна $18,06\$$ дюйма. Длина опорного плеча L_2 (стандартные гири) равна $17,94\$$ дюйма. Пропорциональное отношение плеч: $18,06 / 17,94 = 1,006689\$$. Каждый подъем чаши забирает $4,5\$$ – $5,2\$$ процента фактической массы в пользу гильдейского склада.

Правая рука соскользнула под нижний край дубовой столешницы. Пальцы упёрлись в холодный шероховатый металлический прут, уходивший от корпуса эксцентрика вертикально вниз. Кончик прута заканчивался плоской деревянной плашкой, зависшей над пространством для левого колена приемщика.

Коленный рычаг не создавал самостоятельного обвеса. Устройство лишь *активировало* заложенную в клеймо математическую дельту. Нажатие бедра заставляло стержень выбирать микроскопический люфт в полтора миллиметра, переводя валик из нулевого положения в смещенное. Без вставленного и повернутого Казённого Клейма плашка под столом оставалась неровной деревянной дощечкой, отсоединенной от кинематики подвеса.

Клеймо являлось ключевым сдвиговым элементом. Матрицей искажения масс.

Геометрия внутренних пазов шестигранника допускала изготовление обратного вкладыша — тонкой стальной пластины-клинового компенсатора толщиной в двенадцать тысяч-

ных дюйма. Впрессовка такой пластины в зазор между валиком и опорной призмой приводила к обратной инверсии.

Математический расчет выстраивал следующие величины:

Ввод пластины толщиной \$0,024\$ дюйма с противоположной стороны валика смещал центр вращения влево на \$0,09\$ дюйма. Новая длина рабочего плеча $L_1 = 17,91$ дюйма. Новая длина опорного плеча $L_2 = 18,09$ дюйма. Отношение плеч преобразовывалось к $17,91 / 18,09 = 0,98999$.

Корзина с углем, установленная на модифицированные весы, при стрелке индикатора на отметке в двести фунтов фактически содержала лишь двести девять фунтов. Дельта в девять фунтов чистого антрацита с каждого взвешивания переходила в категорию незафиксированного излишка.

Сухой треск сломавшейся сосновой доски у самого основания цоколя пробил тишину галереи.

Перемещение детского тела в пространство под дубовым столом заняло ноль-три секунды. Пальцы обжали чугунную опору стола, подтянув коленные суставы к грудной клетке. Узкая щель шириной в четырнадцать дюймов между нижней пластью столешницы и дощатым полом отозвалась взвесью слежавшейся пыли, сухотным треском хитиновых тараканьих крыльев и давлением холодного угля на лопатки.

Фиксация взгляда прошла по мелкой белой паутинке, висящей на шляпке чугунного болта в трех дюймах от левого глаза. Опасность снаружи исчезла из восприятия, уступив место движению дрожащей нити от каждого удара пульса в височной артерии.

Дверное полотно приемной будки ударило о чугунный косяк с оглушительным резонансом. Желтый луч масляного фонаря пробил мрак помещения, разрезав пыльный воздух и зафиксировавшись на бронзовом коромысле весов.

Плотный тяжелый объем воздуха под потолком мгновенно насытился запахами прогорклого свиного сала, кислого перегара и древесного дегтя.

— Я тебе говорю, засов открыт был! — рычащий звук первого голоса принадлежит Горту, старшему смены. — Тот задохлик у весов днём слишком долго глазами крутил.

— Заткнись, Горт, — второй голос прозвучал отрывисто, сухо, с характерным щелканьем пересохших губ. Голос канцелярского служителя, привычного к бумажным описям и медным счетам. — Кабы сюда кто забрался, гильдейский замок на обвязке лежал бы сорванным. А он цел. У тебя от сивухи гланды опухли, вот и мерещится всякое.

Свет фонаря качнулся вдоль пола. Высокие сапоги аудитора из тонкой юфти, со стальными латунными бляхами на ремнях, остановились в двенадцати дюймах от подбородка. Сжатые на чугунной ножке стола пальцы застыли, не допуская микроскопического сдвига фаланг.

Дыхательный цикл подчинился жесткой схеме физиологического минимума: Вдох: протяженность четыре секунды, объем втягиваемого воздуха двести кубических сантиметров. Удержание: шесть секунд. Выдох: сквозь плотно сомкнутые губы, с нулевым акустическим шумом.

Масса тела аудитора давила на край столешницы. Чугунный остов весов над головой качнулся. Бронзовое коромысло отозвалось низким металлическим гулом: *ммммм*.

— Завтра с утра снимешь с четвертого сектора две тонны, — произнес аудитор сверху. Скрип открываемого кожаного переплета учетной книги принес под стол резкую волну свежей туши и дубильных экстрактов. — Ильмар закрывает сделку по сукну. Нужен чистый антрацит без штыба. Если твои малолетки подмешают грязь, вычет пойдет из твоей бирки.

— Не подмешают, — глухой рык Горты сотряс половицы.

Кованный железом набалдашник мерного шеста обрушился на доски в трех дюймах от правого локтя Рена. Ударная волна прошла сквозь дубовый настил, отдавшись вибрирующей

болью в лучевой кости. Острая сосновая щепка, сорванная железом с плахи, взвилась вверх и ударила мальчика прямо в левую щеку, оставив влажный липкий след.

— Семь коробов затребовал. Не вытасят до рассвета — спущу шкуру на ремни.

— Шкуру оставь для убойни, — сухо отрезал аудитор.

Шелест перелистываемого пергамента затих плотным бумажным шелчком.

— Цифры в накладных формируют баланс. Графа должна быть чистой. Пошли. Внизу патруль завершил обход, необходимо проверить свайный проход.

Пятно от фонаря поползло по щелям стола, утягивая за собой желтый свет. Тяжелое кованое железо сапог Горты и сухие мерные шаги аудитора сместились к выходу. Скрипнула петля. Тяжелая дубовая створка захлопнулась, и снаружи с плотным металлическим стуком, отдавшимся в зубах Рена, опустился чугунный засов.

Пространство под учетным столом превратилось в монолит абсолютной темноты.

Отказ мышечных волокон правой ноги проявился при первой же попытке сместить центр тяжести. Недостаток гликогена в тканях и длительное переохлаждение скрутили икроножную мышцу в жесткий каменный узел. Спазм зафиксировал стопу под неестественным углом. Пальцы рук потеряли нейронную связь с эпидермисом: прикосновение ногтей к шероховатым доскам не передавало текстуры древесины, превращая касание в глухой тупой нажим.

Пять минут ушло на преодоление полутора метров пространства под настилом.

Оконный ставень приемной будки удерживал вентиляционный зазор шириной ровно в четыре дюйма. Протискивание семилетнего тела сквозь узкую сосновую щель потребовало последовательной пошаговой деконструкции анатомического каркаса:

Первый фазовый шаг: поворот плечевого пояса на девяносто градусов. Левое плечо уходит вперед, минимизируя поперечный габарит.

Второй фазовый шаг: предельный выдох с фиксацией диафрагмы. Сжатие реберных дуг уменьшает глубинную проекцию грудной клетки до физического предела.

Третий фазовый шаг: боковое смещение тазового кольца. Древесина обшивки срезает верхний слой эпидермиса на ребрах, шершавая сосна создает сухое трение, застревая в мокрых волокнах куртки.

Холодный дождь Карсана обрушился на спину сразу по выходу на внешний пандус. Ледяные потоки смыли со щеки запекшуюся кровь от щепы, но не остановили стремительную гипотермию.

Спуск по мокрым дощатым галереям к барaku происходил в режиме полного отключения проприоцептивной чувствительности. Биохимический ресурс ног выработался полностью. Каждое соскальзывание стопы на слизистом угольном шлаке заканчивалось жестким ударом коленей о настил. Включение инерции падающего туловища оставалось единственным способом подняться и продолжить поступательное движение. Черная угольная суспензия покрыла мокрую куртку и лицо плотным вязким панцирем.

Створка барака подалась без сопротивления.

Рогожи у стены встретили привычным концентратом прели, гниющей соломы и стоялого человеческого пота. В углу продолжалось сиплое дыхание Тина: влажный грудной кашель вырывался из его гортани с четким интервалом в двадцать две секунды. Лисса лежала без движения. Пальцы её левой ноги под мокрой мешковиной окончательно посинели, приобретая восковой трупный оттенок.

Контакт спины с сырым дубовым брусом стены зафиксировал окончание маршрута.

Физиологические показатели упали ниже предельной нормы. Частота сердечных сокращений составила сорок два удара в минуту. Температура кожных покровов снизилась до тридцати четырех градусов. Суставы кистей окончательно утратили подвижность, превратив пальцы в негнущиеся деревянные обрубки. Стоимость ночной вылазки зафиксировалась в форме полной потери двигательной эффективности на ближайшие шесть часов.

Однако математический расчет системы казенного клейма был завершен.

Алгоритм гильдейской погрешности получил полное векторное выражение. Геометрия встроенного эксцентрика разложилась на чистые составляющие силы. Формула обратной инверсии соотношения плеч L_1/L_2 гарантировала смещение центра тяжести с устойчивым дельтовым сдвигом в девять фунтов с каждого двадцатифунтового короба.

Перед закрывшимися веками мальчика оставалась лишь одна нерешенная переменная.

Логистическое уравнение содержало критический параметр исполнителя.

Семнадцатикилограммовый семилетний задохлик не обладал физической возможностью выставить калиброванный короб на гильдейский помост, незаметно поддать коленный рычаг или затребовать повторный учет у весовщика. Любая самостоятельная попытка ребенка оперировать на приемной площадке означала мгновенное вмешательство Горта и удар кованого набалдашника в теменную кость.

Архитектура взлома требовала промежуточного звена.

Системе требовался взрослый исполнитель. Человек, наделенный официальным правом выхода на гильдейский помост, обладающий физической силой для подъема двухсотфунтовых корзин, ослепленный жадностью и свято убежденный в собственной абсолютной власти над ситуацией.

Первая наживка для механизма гильдии должна была обрести имя, лицо и непомерное, легко управляемое тщеславие.

Живой щит

Ржавый чугунный котелок под потолочной течью отсчитал четырёхсотый удар. Металлическая мембрана дна отзывалась на каждую ледяную каплю низким щелчком, вбивавшим вибрацию через дубовые сваи прямо в затылочную кость.

Подъём тела потребовал поочерёдного восстановления нейронных связей и выверенного сокращения мышечных групп поясницы. Поверхностная гипотермия после ночного пребывания в подполье весовой будки смещалась к базовому метаболизму: температура эпидермиса зафиксировалась на отметке тридцати пяти и двух десятых градуса, путевой пульс удерживал пятьдесят четыре удара в минуту. Корка запёкшейся крови на левой щеке — след сосновой щепы, выбитой дубиной Горта, — стягивала кожу до сухой боли. Сгибание фаланг правой кисти отзывалось острой пульсацией: под оторванный струп от колчеданного сланца вбилась мокрая угольная пыль, провоцируя локальный очаг воспаления.

У противоположной стены содрогнулось в очередном спазме тело девятилетнего Тина. Сухой, горловой кашель вырвался из дыхательных путей с интервалом в восемнадцать секунд. Влажные хрипы в нижних долях лёгких сигнализировали о нарастании бронхиального застоя. Восемьсот калорий суточного пайка из гнилой полбы не покрывали энергозатрат при сортировке породы. Без поступательного притока белково-углеводного субстрата данный элемент структуры прекратит функционирование через одиннадцать суток. Восьмилетняя Лисса поджала колени к подбородку; цианотичная синева на пальцах её левой стопы продвинулась до основания ногтевых фаланг — острая ишемия тканей под воздействием сырости и стойкого спазма периферических сосудов.

Утрата этих двух биоединиц приводила к мгновенному обрушению выстроенной схемы. Без Тина и Лиссы семилетний Соколов, ограниченный массой тела в семнадцать килограммов, оказывался раздавлен физическими нормами смены.

Конструкция задуманного переворота требовала внешнего силового элемента. Взрослого исполнителя с доступом к фазе взвешивания.

Сетка параметров отсеивала кандидатов один за другим. Простые челядинцы гильдии не имели пропуска на приёмный помост; надсмотрщики смены вроде Горта находились в прямой финансовой зависимости от отчётов весовщика Ильмара; старшие грузчики верхних ярусов обладали слишком высокой гарантированной долей в легальном распределении.

Целевой объект выделился из общего массива данных ещё во время дневного наблюдения. Гарв Оллен. Двадцать восемь лет. Масса — восемьдесят восемь килограммов при росте в шесть футов. Грузчик четвёртого сортировочного сектора с правом самостоятельной подачи двухсотфунтовых корзин на гильдейский помост. Анатомическая карта: широкие плечевые рычаги, гипертрофия трапециевидных мышц, застарелые рубец-рассечения на надбровных дугах от ударов коваными перстнями. Психологический вектор: выраженная гипертимия, избыточное тщеславие, хронический долг в пивных галереях нижнего уровня. Оллен ежедневно терял до тридцати медяков на гильдейском срезке веса, объясняя недобор сыростью породы и наглостью весовщиков, после чего стравливал агрессию в драках на свайных настилах.

Идеальный овеществлённый таран. Опасный, физически превосходящий, способный сломать шейные позвонки семилетнему носителю одним движением кисти, но абсолютно слепой к алгоритмам бухучёта.

Дощатый настил галереи встретил плотной эмульсией из ледяной дождевой воды и угольного штыба. Утренний Карсан гудел глубоко внутри гранитных водоводов Империи. Высоко над головой, на висячих ярусах мастеров, с тяжелым ритмичным грохотом ухали атмо-

сферо-молоты. Густая каменная вибрация проходила сквозь деревянные раскосы, отзываясь в коренных зубах тупой сухой дрожью.

Спуск к четвёртому сектору требовал выверенного баланса на каждом шаге. Сосновые плахи, пропитанные мокрым дёгтем, скользили под рваными кожаными поршнями. Серый туман закручивался в пролётах меж свай, насквозь пропитывая мешковину куртки и превращая её в тяжелую ледяную броню.

Массивный торс Гарва Оллена выделялся у края дренажного лотка. Грузчик работал без кафтана, в одной кожаной безрукавке на голое тело. Пар валил от его широкой волосатой спины густыми белыми клубами. Каждое вонзание совковой лопаты в кучу антрацита сопровождалось сопящим выдохом. Мясная, налитая багровым соком шея Оллена дёргалась при каждом рывке; желтые зубы мёртвой хваткой сжимали черешок высушенного табачного листа.

В десяти шагах от него на высоком гранитном цоколе возвышалась приёмная будка. На помосте за кованой решёткой сидел гильдейский весовщик.

Тяжёлая дубовая корзина, засыпанная Олленом до крайнего венца, взлетела на латунную чашу Казённых Весов. Бронзовое коромысло качнулось, выдав густой металлический гул: *мммммм*.

— Сто восемьдесят восемь! — проскрипел весовщик сквозь решётку, не поднимая глаз от свиной книги. — Зачёт со срезкой. Недобор двенадцать фунтов. Следующий!

— Какая срезка?! — Голос Гарва Оллена пробил гул водоподъёмных колёс, разорвав воздух прокуренным рыком.

Грузчик рванул к решётке, его пудовые кулаки, обмотанные грязной бечёвкой, врезались в чугунные прутья. Набухшие вены на висках налились брусничной темнотой.

— С верховой жилы два центнера чистого куска уложил! Мой короб двухсотфунтовку с верхом кроет! Совсем глаза элем залили, суки суконные?!

— Проваливай, Оллен, — сухо отрезал весовщик, поправляя жесткий накрахмаленный воротник. — Стрелка встала на ста восьмидесяти восьми. Порода сырая, на дне штыб. Продолжишь орать — вызову патруль с заточками. Горт быстро бирку перепишет.

Шестнадцать дюймов расстояния между грудью Оллена и кованой решёткой заполнились рваным дыханием разярённого мужчины. Белки его глаз налились сеткой лопнувших капилляров. Челюсти сжались с костяным хрустом, перетирая табачный черешок в едкую труху. Грузчик сплюнул чёрную слюну на доски цоколя, развернулся и подхватил пустую корзину.

Приближение семилетнего носителя к позиции Оллена произошло со стороны «слепого сектора» — из-за штабеля пропитанных дёгтем свай.

— Четырнадцать медяков, — произнёс Рен. Звук голоса прорезал шум стекающей воды на ровной, свободной от эмоций частоте.

Движение грузчика оборвалось. Тяжёлый, налитый свирепой усталостью взгляд опустился вниз. Перед Олленом стоял мелкий костлявый заморыш в мокрой мешковине. Серая угольная пыль забила в складки детского лица, оттеняя немигающие сухие глаза. На левой щеке чернел свежий струп.

— Чё сказал, огрызок? — прорычал Оллен, перехватывая корзину в левую руку. — Сгинь под настил, пока я тебе колено не вывернул.

— Четырнадцать медяков за один подъем, — повторил Рен, сохраняя прежний тональный регистр и не сделав ни шага назад. — Восемь подъёмов за смену. Сто двенадцать медяков в сутки. Столько оседает в свиной книге весовщика из твоей выработки. Это не сырая порода и не штыб на дне.

Шея Гарва Оллена подавалась вперёд. Внимание грузчика резко сузилось, сменив вектор от тупой агрессии к смутному, тяжёлому подозрению.

— Ты чё наплёл, малолетка? — Массивный сапог грузчика со шлёпающим звуком погрузился в угольную жижу в двух дюймах от босой стопы Рена. — Какая книга? Какая срезка?

— Опора коромысла, — подбородок мальчика приподнялся, фиксируя зрачки грузчика в неподвижной точке между бровями. — Внутри чугунной колонны установлена цилиндрическая втулка с эксцентриковым валиком. Казённое Клеймо. Выходя на помост, весовщик упирается левым коленом в деревянную плашку под столешницей. Нажим поворачивает валик на полтора градуса. Длина рабочего плеча увеличивается, опорного — уменьшается. На циферблате возникают сто восемьдесят восемь фунтов там, где на плоскости лежит двести девять. Дельта в двадцать один фунт уходит в незначительный остаток гильдии. С каждого короба забирают девятнадцать фунтов чистого антрацита.

Термины «эксцентрик», «дельта» и «плечо» с трудом пробивали ороговевший слой мозговой ткани грузчика, однако числовой расклад — четырнадцать медяков за подъем, сто двенадцать в сутки — сработал. Жадность и копящаяся годами ненависть к цеховым учетчикам сомкнулись в единый физиологический спазм.

Шестипалая ладонь с заскорузлой коркой дёгтя и вырванным ногтем на большом пальце метнулась вперед.

Грубая мешковина куртки затрещала по швам. Рывок тридцатикратно превосходящей массы оторвал семилетнее тело от гнилых эстакадных досок. Семнадцатикилограммовый вес взлетел на уровень груди Оллена.

Ткань воротника врезалась в каротидный треугольник. Пережатие сонных артерий мгновенно отозвалось высокочастотным гулом в барабанных перепонках и падающей темнотой в сетчатке. Кислородный голод начал обратный отсчет: секунды сжались до микроскопических движений. Паника не возникла — её место заняла узкая периферийная фиксация. Внимание приковалось к одной детали: под ногтем указательного пальца Оллена застрял волокнистый кусочек протухшего свиного сала, смешанный с угольной гарью и серными крошками. Риск перелома шейных позвонков и последующего падения с трехсаженной высоты в бурлящую речную грязь сжался в сухой кинетический вектор.

— Ты че, крыса приютская, зубы мне заговариваешь? — хрип Оллена обжег лицо волной сивушного перегара, гнилых кариозных дупел и сушеной махорки. — Горт тебя подослал? Или учетчики Ильмара? Хотите подвести меня под плаху за наклеп на гильдейское клеймо?!

— Наклеп не дает прибыли, — сухой, ровный чекан слов пробился сквозь зажатую гортань. Голосовые связки вибрировали с трудом, но ритмическая подача оставалась неизменной. — Наклеп ведет на рудники. Расчет дает сто двенадцать медяков в день. Чистыми. В твой карман.

Хватка на воротнике ослабла. Кровоток в сонных артериях возобновился, вернув четкость контуров окружающего пространства. В мутных белках грузчика мелькнула хищная вспышка.

— Убей меня — и весовщик продолжит срезать по четырнадцать медяков с каждого твоего короба, — взгляд мальчика удерживал точку над переносом мужчины. — До конца сезона. Пока легкие не выплюнешь в угольный лоток.

Резкое смещение массы завершилось ударом пяток о сосновый настил. Пяточные кости приняли импульс падения, сухожилия щиколоток пробила судорожная боль, однако равновесие устоялось. Оллен согнулся в пояснице, оперевшись ладонями в собственные колени. Лицо грузчика оказалось в дюйме от лица ребенка.

— Допустим, — вязкая табачная слюна канула в щель между досками. — Допустим, веса сдвинуты. И че ты сделаешь, задохлик? Ломом чугунную колонну расшибешь? Так тебя у будки патруль на заточки насадит через три секунды.

Из внутреннего кармана намокнутой куртки извлеклась заранее обработанная деталь.

Медная пластина толщиной в двадцать четыре тысячных дюйма. Клиновой компенсатор. Прямоугольный кусок металла длиной в полтора дюйма, согнутый из выброшенного коррозионного обода и затертый о речной валун до абсолютной точности геометрического клина.

— Калибровка, — пластина легла на открытую ладонь. Струп на правой руке мальчишки от натяжения кожи лопнул, выделив капли прозрачной сукровицы, смазавшей медный край. — Не нужно ломать колонну. Нужно компенсировать сдвиг валика.

Мутные глаза Оллена уставились на кусок металла.

— Эту хрень куда сунуть? В замочную щель?

— Нет, — пальцы сомкнулись, пряча деталь. — Клиновой компенсатор устанавливается под левую упорную призму чаши. В момент, когда ты выставляешь двухсотфунтовую корзину на помост, прут коленного рычага выбирает люфт. Если пластина находится в зазоре между опорным пальцем и рамой, поворот валика инвертируется. Соотношение плеч L_1 / L_2 сменяется в противоположную сторону.

Пауза дала простым числам вьестись в отравленный сивухой мозг.

— Весы покажут двести фунтов там, где фактически лежит сто девяносто один. Ты сдашь норму с излишком в девять фунтов угля. С каждого короба.

Широкая ладонь грузчика провела по заросшему щетиной подбородку, размазав угольную грязь.

— Девять фунтов... — выдох вырвался вместе с сиплым свистом. — С короба... Восемь коробов — это семьдесят два фунта! Почти три мешка неучтенного антрацита в смену!

— Семьдесят два фунта чистого кускового угля первого класса, — подтвердил Рен. — Которые не попадут в книгу весовщика. Которые ты вынесешь со склада под видом порожняка.

Сухой треск сломавшейся сосновой щепы под сапогом Оллена разрезал тишину. Жадность в глазах мужчины вспыхнула раскаленной жилой, но тут же сменилась тупой, хищной угрозой. Анатомический профиль грузчика перестроился: плечи раздались в стороны, челюсть выдвинулась вперед, демонстрируя привычку отбирать силу без переговоров. Превосходство физической массы казалось ему абсолютным.

— Давай сюда железяку, сопля, — огромная ладонь с забитыми сажей мозолями раскрылась перед носом мальчика. — И дуй отсюда. Скажешь Горту, что я тебя за уши от лотка прогнал.

Отдача инструмента на этом этапе означала немедленный крах схемы. Оллен попытался бы загнать пластину в механизм наугад, сорвал бы калиброванную призму, попался бы патрулю гильдии или просто забрал медную деталь, сбросив бесполезного ребенка в сливную канаву.

Формирование вынужденного союза требовало жесточайшей фиксации ролей.

Правило Рена выстроилось в сознании строгой кинематической цепочкой: *партнер должен быть свято убежден в собственной абсолютной власти над ситуацией*. Взрослый инструмент обязан верить, что он эксплуатирует ребенка, тогда как Рен держит точки опоры, геометрию клина и распределение прибыли.

— Без правильного угла установки в три градуса деталь заклинит шарнир при первом же взвешивании, — голосу Рена вернулся ледяной, отстраненный тон, не выражавший ни страха, ни уступки. — Приемщик мгновенно обнаружит подлог. Патруль гильдии перебьет тебе коленные чашечки прямо на весовой.

Оллен замер, протянутые пальцы дрогнули.

— Ты меня пугать вздумал, щегол? — рык грузчика стал глуше, в нем пробила неуверенность человека, столкнувшегося с незнакомым механизмом.

— Я предлагаю сделку, где ты получаешь куш, а я — защиту, — пальцы мальчишка медленно опустились, убирая деталь обратно в карман намокшей куртки. — Семьдесят два фунта антрацита — это сорок восемь медяков на черном рынке за смену. Моя цена — десять медяков с каждого успешного взвешивания. Остальное — твое. Тридцать восемь медяков чистой прибыли ежедневно за то, что ты делаешь свою обычную работу.

Цена была назначена намеренно заниженной для Рена. Отказ от большей части первой прибыли являлся платой за физическую безопасность и создание непробиваемого прикрытия.

В глазах тупого и жадного Оллена такое соотношение выглядело как легкая нажива и жесткое подмятие мелкого оборвыша.

Оллен тяжело задышал. Жилковатый лоб сморщился от непривычной умственной работы. В его сознании выстраивалась идеальная картина: семилетний заморыш выполняет всю тонкую грязь, рискует головой у механизма весов, а он, Гарв Оллен, забирает львиную долю денег и в любой момент может раздавить пацана каблуком.

— Десять медяков? — грузчик хмыкнул, оскалив желтые зубы. Ощущение собственного полного превосходства снова вернулось к нему, раздувая грудную клетку. — Много захотел, сопля. Пять медяков. И будешь радоваться, что я тебе уши не оборвал.

Рен выдержал паузу в три удара пульса, давая грузчику проглотить наживку победы в торге.

— Восемь медяков, — сдержанно ответил мальчик, имитируя вынужденную уступку. — И ты гарантируешь, что Горт и его шестерки не подойдут ко мне на эстакаде.

Оллен громко хохотнул, довольный тем, как легко сбил цену и заставил приютского мальчишку отступить.

— Пластина без настройки сработает один раз, — произнес Рен, не сдвинув подошв со скользкого хвойного бруса. — На второй качок весовщик зафиксирует аномалию качания. Колебания бронзового бруса пойдут с высокой частотой. Пойдет вызов инспектора. Латунная накладка вскрыется, медь под призмой обнаружится, и тело вывесят на свайных балках до заката.

Рукав засаленной куртки с сопением смазал пот со лба грузчика. Широкая ладонь, усаженная сизыми мозолями, застыла в полуфуте от грудной клетки мальчика. Влажный воздух углярки нес кислый перегар и прогорклый жир.

— Сдвиг валика плавает от влажности воздуха и естественного износа пружины, — продолжил Рен, шаг за шагом выстраивая цепь технологической зависимости. — Каждое утро калибруется микроскопический клин под текущую смену. Без расчета пластина намертво заклинит коромысло. Только этот голос знает угловой вектор подгонки.

— Ах ты штукарь паршивый... — Из прокуренной глотки вырвался хрип. Синие жгуты вен на предплечьях Оллена раздулись, натягивая недубленую кожу и сжимая пальцы в тяжелые костяные молоты. — На кукан меня посадить решил?! Головой вниз в сортировочный грохот уложу прямо сейчас!

Взгляд мальчика прилип к медной заклепке на пояском ремне грузчика: зеленый окисел вьелся в канавку металла, на верхнем крае застряла угольная крошка. Кулак висел в воздухе. Капля пота медленно сползала по подбородку Оллена, собираясь на жесткой щетине, прежде чем оторваться и упасть на гнилую доску настила.

— Удар сбросит семьдесят два фунта угля в день, — раздался ровный голос, лишенный вибрации. — Живой организм даст содействие. Короб выставляется на помост твоими руками. Утаенный уголь проходит сквозь приемку твоими сапогами. Вся схема держится на тебе. Ты контролируешь груз и вынос. В этих пальцах — лишь цифры калибровки.

Тяжелое дыхание Оллена обожгло лицо Рена горячим паром. Набухшая фиолетовая жила на его широком лбу толчками гоняла кровь — семьдесят пульсаций в минуту. Желтые, источенные табачной смолой зубы сжались до скрежета. Нити слюны протянулись между углами рта.

— Хозяин схемы, говоришь? — Оскал оголил десны. Пальцы грузчика разжались, метнувшись к деревянному перилу настила. Доска прогнулась под весом ста девяноста фунтов сырого мяса и костей. — Правильно соображаешь, щегол. Владение тут за мной. Без моей спины ты эту пластину до цоколя не дотащишь — Горт снесет тебе череп на первом же шаге.

— Совершенно верно, — подбородок Рена чуть опустился, имитируя угол полного подчинения. — Без физического объема и доступа к помосту расчет превращается в нулевой вектор.

Густая слюна шелкнула о мокрые доски возле сапога мальчика.

— То-то же, — Оллен выпрямился, опершись кулаками в бока. — Слушай сюда, задохлик. Дележ такой: восемьдесят процентов сухого остатка забрано мной. Моя шкура висит на приемке. Тебе — двадцать. Миской овсянки поделишься со своей оравой. Перечишь — сдаю Горту с потрохами.

Отказ от основной доли ресурса стал прямой платой за внешнюю структуру защиты. Смещение финансового центра в пользу Оллена фиксировало в его сознании образ дешевого, взаимозаменяемого привода. Восемьдесят процентов прибыли покупали полный физический и юридический риск: именно эти сапоги со стальными набойками встанут на помост приемки, именно эти руки сожмут короб с компенсатором, и именно эта туша примет первый удар инспекции или людей Ильмира при сбое кинематики.

Живой щит встал в пазы капкана.

— Восемьдесят на двадцать, — произнесли губы Рена. Влажный холод проник сквозь драную ткань куртки, заставляя мышцы спины невольно сокращаться. — С условием: пробный запуск идет сегодня на вечерней пересменке. Ровно в восемнадцать:ноль-ноль.

Хруст сосновых волокон раздался под тяжелым сапогом. Мрачный оскал растянул щеки грузчика.

— Годится. В восемнадцать:ноль-ноль короб четвертого сектора встанет на платформу. Жди у подножия эстакады. Передашь пластину и точную отметку клина. Смотри у меня, задохлик: заклинит весы — полетишь в речной поток вниз головой.

— Весы не заклинит.

Разворот на слизистых досках настила отозвался острой тупой болью в правой щиколотке: связка натянулась, отдавая импульсом в колено. Шаги уводили прочь по мокрой галерее к сортировочному лотку. Внизу, в сумерках и ледяной грязи, хрипло кашлял Тин, и мелкая дрожь сотрясала плечи Лиссы. Холодные капли дождя Карсана продолжали со стуком сокрушать сосновые крыши, но первый вектор будущего капкана оказался намертво вбит в пространство Угольного двора.

Первая дельта

Шесть ударов чугунного колокола над третьим ярусом утонули в непрерывном реве водоводных колес. В восемнадцать:ноль-ноль на четвертом сортировочном секторе началась вечерняя пересменка. Мокрый сосновый настил эстакады дрожал под подошвами, посылая сквозь кости ступней тридцатигерцовую вибрацию речного потока. Ледяная взвесь из угольной пыли и серных паров, проникавшая сквозь щели верхнего каменного купола Карсана, влипала в ткань одежды тяжелой влажной пленкой.

Медная пластина толщиной в двадцать четыре тысячных дюйма соскользнула из рваного рукава в заскорузлую, пропитанную дегтем ладонь Оллена. Металл затертого клинового компенсатора сохранял температуру детского тела — тридцать пять и три десятых градуса.

— Левый край упорной призмы, — чекан голоса Рена пробился сквозь шум сливной канавы. — Ввод пластины происходит за ноль-пять секунды до того, как дуга корзины ложится на латунный зацеп. Пальцы левой руки держат нижний обод. Средний палец направляет медь в зазор.

Оллен сжал кулак, натягивая дегтярную кожу на суставах. Сизая мозолистая туша грузчика возвышалась над семилетним носителем на четыре с половиной фута. Набухшая жила на багровом лбу мужчины дёргалась с частотой семидесяти четырех пульсаций в минуту. Жадность и страх перед гильдейской расправой переплелись в белках его глаз цепью багровых капилляров.

— Смотри у меня, задохлик, — густая табачная труха вылетела изо рта Оллена прямо на рваный кожаный поршень Рена. — Застрянет весы — твои кости лично в грохот сброшу. Понял?

Подбородок мальчика опустился на полдюйма. Внешняя форма полного подчинения включила привычную реакцию: разворот грузчика и тяжелый шаг по скользкому пандусу к приемному помосту. Качание широких плеч фиксировало монопольную позицию хозяина. Поведение Оллена полностью подчинялось импульсу эксплуатации приютского заморыша с присвоением восьмидесяти процентов прибыли под риском собственной спины.

В десяти шагах сзади, у края дренажного лотка, Тин и Лисса вращались в пропитанную гнилью сосновую сваю. Влажные хрипы в легких Тина отсчитывали короткие интервалы — семнадцать секунд между приступами кашля. Цианотичная синева на пальцах Лиссы продвинулась к первому фаланговому суставу. Восемьсот калорий суточного рациона выжигали остатки гликогена. Спасение двух единиц структуры требовало немедленного ввода белково-жирового ресурса.

Тяжелая дубовая корзина четвертого сектора взлетела на помост. Сто девяносто фунтов кускового антрацита первого класса из верховой жилы.

Пальцы Оллена сработали по строгой кинематической траектории. Левая ладонь поддерживала плетеный обод, длинный средний палец с забитым сажей ногтем вклинил медную пластину под левое стальное ребро призматической опоры. В ту же секунду левое колено весовщика за решеткой уперлось в плашку под столешницей.

Механизм среагировал без звука.

Эксцентриковый валик повернулся на полтора градуса. При отсутствии пластины этот сдвиг увеличивал рабочее плечо и уменьшал опорное, отбирая у грузчика пять процентов массы. Медный клин толщиной в ноль целых двадцать четыре тысячных дюйма сместил точку опоры в противоположную сторону. Соотношение плеч L_1 / L_2 инвертировалось к значению ноль целых девять тысяч восемьсот девяносто девять десятитысячных.

Бронзовое коромысло качнулось, выдав густой металлический гул: *м.м.м.м.*

Латунный указатель качнулся трижды по убывающей амплитуде и замер напротив центрального зуба чугунной рамы.

— Сто восемьдесят восемь! — прокрипел весовщик сквозь кованую решетку, не поднимая головы от свиной книги. — Зачет со срезкой. Следующий!

Стрелка застыла на отметке ста восьмидесяти восьми фунтов там, где фактически лежало сто девяносто семь. Девять фунтов чистого антрацита испарились из официального гильдейского учета. Первое плечо дельты зафиксировалось в системе.

Подхватив опустевший короб, Оллен искажился хищной оскаленной ухмылкой. Свежий пот застрял в жесткой щетине подбородка, прежде чем сползти на промасленную кожаную безрукавку. Торжество человека, обкравшего гильдию собственными руками, вспыхнуло в заплывших глазах.

Вторая корзина взлетела на помост через сорок секунд. Рывок широких трапеций, короткое касание меди под латунной чашей, нажатие бедра весовщика.

Ммммм.

«Сто восемьдесят девять! Зачет!»

Третья корзина. Четвертая. Пятая.

Математический архив в уме Рена отсчитывал накапливающийся объем: Корзина № 1: дельта 9,1 фунта. Корзина № 2: дельта 8,8 фунта. Корзина № 3: дельта 9,3 фунта. Корзина № 4: дельта 9,0 фунта. Корзина № 5: дельта 9,2 фунта.

Суммарный неучтенный остаток достигал сорока пяти фунтов сухой высококалорийной породы. Схема выходила на режим расчетной мощности.

На шестой корзине звук шагов на верхнем галерейном пролете изменился.

Тяжелые сапоги из юфти со стальными подковами ударили по прогибающимся плахам настила. Ритмичный кованый шаг сопровождался сухим шелканьем железных наконечников на мерных шестах. Из серого занавеса дождя вышли трое.

Впереди двигался линейный инспектор гильдии транспортников — высший контрольный уровень яруса. Ваксированный суконный плащ с глубоким капюшоном отталкивал капельную сырость, на поясе покачивалась медная бляха с запечатанным клеймом: три перекрещенных молота над короной. Сзади следовали двое патрульных с заточками-напильниками на промасленных бечевых шнурах.

— Линия, стоп! — голос инспектора прорезал шум водовода плотным сухим чеканом. — Проверка калибровки узлов. Сдать бирки.

Движение на помосте оборвалось. Весовщик в будке убрал колено от плашки под столом, выпрямив спину; гусиное перо замерло над пергаментом.

Оллен застыл на наклонном пандусе с шестой корзиной в руках. Анатомический профиль грузчика разрушился: плечи просели вниз, челюсть отвисла, из открытого рта вырвался сиплый свист. Рука с медной пластиной, зажатой в мозолистых фалангах, дернулась к карману штанов. Систолическое давление Оллена подскочило, послав багровую волну от шеи к вискам. Простой физический страх перед патрулем и неизбежным переломом коленных чашечек парализовал движения грузчика.

Вмешательство семилетнего тела на легальном уровне означало мгновенную расправу.

Рен остался стоять у свайного раскоса. Внутренний фокус сжался до единственной микроскопической детали: под шляпкой кованого болта на стойке приемной будки застряла засохшая чешуйка сосновой коры. Темно-бурый край древесины удерживал крошечную каплю дождевой воды, дрожавшую в такт вибрации водоподъемных колес. Опасность инспектора и присутствие заточек отступили за пределы активного восприятия. Только трещина на чешуйке и амплитуда капли определяли текущий вектор времени.

Инспектор поднялся на помост. Военный рукав откинул полы плаща, извлекая контрольную эталонную гирию — пятидесятифунтовый чугунный цилиндр с зеркально отполированным медным верхом.

— Снять груз с чаши, — приказал контролер.

Со шлепом опустилась корзина на доски под пальцами Оллена. Дрожь в суставах грузчика заставила ивовые прутья выдать сухой треск.

Пятидесятифунтовый чугунный цилиндр эталонной гири опустился на левую латунную чашу с тяжелым металлическим гулом. Вибрация прокатилась по мокрым дубовым балкам помоста. На правую чашу приемщик последовательно выставил черные гильдейские мерные чушки. Коленный рычаг под рабочим столом застыл в крайнем нижнем, нулевом положении. Медный компенсатор Оллена находился за пределами весовой площадки — пластина сжалась внутри мокрого, смуглого кулака грузчика.

Бронзовое коромысло совершило два затухающих колебания и зафиксировалось в абсолютном горизонтальном покое. Латунный стрелочный указатель встал ровно напротив центрального зуба чугунной рамы. Поверхность медного верха гири отбрасывала искаженное отражение серых туч.

— Нулевой люфт в норме, — сухо отчеканил инспектор, окинув теневые углы весовой будки привычным сканирующим взглядом. — Погрешность шарнира отсутствует. Продолжать сдачу.

Контрольная группа сместилась по узкому деревянному настилу к пятому сектору. Стук их кованых сапог затих в густом туманном пролете через четыре секунды.

Тяжелая туша Оллена рухнула на колени прямо в жидкую угольную грязь. Крупные капли пота смешивались с дождевой водой, стекая по небритому, покрытому сажей подбородку. Сиплый дыхательный толчок вырывался из груди каждые 1,4 секунды — вполтора раза чаще нормы покоя. Дикий, налитый белками взгляд грузчика метнулся к Рену.

— Слышь... заморыш... — выдохнул Оллен, смазывая пот пропитанным солью рукавом. — Они же... эталон ставили... А весы ровно встали!

— Калибровка клина срабатывает исключительно при задействовании коленного рычага и установке нагруженного короба, — произнес Рен, не изменив ровной интонации. — В статическом покое без пластины механизм возвращается к заводскому значению. Внезапная проверка не способна вскрыть аномалию.

Мутные белки Оллена налились мгновенной вспышкой ослепляющего восторга. Перенесенный страх перед конвоем обратился монолитным убеждением в собственной неуязвимости. Отравленный сивушными маслами мозг выстроил примитивную логическую цепочку: контролеры гильдии — слепые дураки, механизм Рена — безотказная стальная пружина успеха, а он, Гарв Оллен, — единственный хозяин схемы, способный крутить инспекцию на каблуке.

— Не способна, говоришь? — Оллен поднялся с грязи, выпрямляя багровую, раздувшуюся шею. Анатомическая спесь вернулась в двойном объеме. — То-то же! Я этого инспектора с потрохами обошел! Давай сюда остаток смены!

Шестая корзина взлетела на помост с оглушительным треском ивовых прутьев. Семьдесят два фунта неучтенного антрацита первого класса образовали итоговую дельту смены. Восемь сданных коробов дали восемь утаенных отрезков массы.

Перемещение неучтенного ресурса требовало строгого использования слепых зон местной инфраструктуры.

В пятидесяти шагах от приемного узла дубовый настил эстакады пересекал выходящий из стены каменный свод древнего империалистического водовода. Темный гранитный рукав шириной четыре фута служебными каналами уходил в глубь свайного яруса. В этом месте стекала относительно сухая дренажная вода, а густые испарения маскировали пространство от глаз надсмотрщиков верхнего яруса.

Пересыпка неучтенного угля в мешковые рогожи, принесенные под видом пустой тары, заняла три минуты. Восемьдесят процентов образовавшейся дельты — пятьдесят семь фунтов породы — грузчик забрал себе, утянув мешки в пивные галереи нижнего уровня для немедленного сбыта скупщикам черного рынка.

Восемь медяков чистой меди и мешковатый сверток из промасленной мешковины обрушились на доски к ногам Рена.

— Держи свою долю, щегол! — хохотнул Оллен, вытирая усы мохнатым кулаком. — Знай мою доброту! Завтра в восемнадцать:ноль-ноль встаешь на тот же раскос с новой медной плашкой!

Массивные сапоги грузчика запечатали тяжелый шаг в темноту галереи, унося со ста восьмьюдесятью фунтами сырого мяса и костей весь юридический и физический риск следующей смены. Наживка заглотила крюк до самого основания.

Подъем с пола промасленного свертка потребовал одиночного наклона.

Внутри мешковины находился фунт вытопленного свиного сала — серого, соленого, с прожилками жесткой шкуры — и половина ячменного каравай двухдневной выпечки. Стоимость этого белково-жирового субстрата на черном рынке Карсана составляла ровно шесть медяков.

Оценка физиологического состояния Актива-01 (Тин) и Актива-02 (Лисса) потребовала тридцати секунд наблюдения.

Девятилетний Тин сидел на сырых плахах под свайным раскосом. Кашель вырывался из его грудной клетки с сухим хрустом. Частота дыхательных движений превышала тридцать два цикла в минуту. Термодинамика кожных покровов показывала падение до тридцати четырех и восьми десятых градуса. Восьмилетняя Лисса не могла разогнуть пальцы на левой стопе: острая ишемия тканей превратила ногтевые фаланги в нечувствительные синеватые обрубки.

— Подняться, — приказ Рена звякнул над шумом водовода сухим металлическим щелчком.

Пальцы мальчика развернули мешковину. Брусочек свиного сала был разделен костяным клином на две равные части по восемь унций каждая.

— Жевать медленно, — Рен вложил кусок сала и ячменный хлеб в дрожащие ладони Тина. — Не менее сорока смыканий челюсти на один болюс. Попадание белка и жира в желудок без предварительной ферментации вызовет спазм.

Вскинутая голова Тина открыла лимонную желтизну склер вокруг зрачков — показатель печеночного застойного процесса, но в глубине глаз вспыхнул дикий, животный блеск. Зубы мальчика впились в свиную шкуру.

Механика поглощения пищи Активом-01 разложилась на строгие физиологические показатели: Первая фаза: расщепление липидов в ротовой полости. Повышение выделения слюны. Вторая фаза: прохождение пищевода. Желудочный сок растворяет концентрированный жир. Третья фаза: всасывание жирных кислот в тонком кишечнике. Термогенез печени включается через двенадцать минут после приема.

Процесс поглощения у Лиссы протек с мелким, тихим сопением. Топленый жир смыл серо-черный слой угольной пыли с подбородка, оставляя на коже лоснящуюся пленку. Спустя десять минут сосудистая сеть щек отозвалась плотным багровым приливом. Ослабление артериального спазма вернуло чувствительность ткани: судорожное сжатие пальцев на левой стопе вырвало из горла девочки короткий, глухой стон от острой импульсации обновленного кровотока.

Аналитическая матрица зафиксировала физиологические показатели: — энергетический субстрат: две тысячи четыреста килокалорий на порцию; — восполнение печеночного депо гликогена: сто процентов от минимального суточного порога; — сдвиг точки критического отказа систем организма Тина: с одиннадцати до двадцати четырех суток; — ишемия

мягких тканей стопы Лиссы: перевод из острой деструктивной фазы в режим стационарного контроля.

Сохранение биомеханической структуры прошло в рамках допуска. Масса тела семилетнего Рена — семнадцать килограммов — осталась на уровне, достаточном для удержания физического контакта с рычагами сортировочного грохота.

Остаток дельты — пятнадцать фунтов чистого кускового антрацита первой категории — требовал складирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.